

Валерий Железнов *Самый полный СТОР!!!*

книга о моряках и не только

Валерий Железнов

**Самый полный STOP!!!
книга о моряках и не только**

«Издательские решения»

Железнов В. Ю.

Самый полный STOP!!! книга о моряках и не только /
В. Ю. Железнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831308-0

Лёгкое и непринуждённое повествование автора о себе, своих друзьях и коллегах. О непростых взаимоотношениях людей с алкоголем и друг с другом на стыке двух столетий. Про моряков и не только...

ISBN 978-5-44-831308-0

© Железнов В. Ю.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Часть первая	9
Первая практика	9
Первый рейс	12
Ледокол	24
Штурманец	29
«Чёрный Принц»	35
Кем я был?	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Самый полный STOP!!! книга о морях и не только Валерий Юрьевич Железнов

© Валерий Юрьевич Железнов, 2016

ISBN 978-5-4483-1308-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сей труд начат мною не из жажды писательской славы и не для удовлетворения графоманского зуда. Лавры Соболева и Конецкого не будоражат моего тщеславия. Я в классики не рвусь, я моряк, и как многие мои коллеги люблю потравить байки на досуге. Но рассказывать моряку про моряцкую жизнь всё равно, что солить солёные помидоры. Нужны «свежие уши». И уж коли в Ваших руках оказалась эта книжица, надеюсь, Вы наберётесь терпения и прочтёте её до конца.

Про моряков написано много и многое написано правдиво, но я не буду забивать Вам мозги рассказом о героических буднях тружеников моря. Я постараюсь рассказать весело или не очень о том, что упускали из своих повествований другие авторы. Хочу предупредить сразу, хоть я и веду рассказ от первого лица, не всё описанное происходило со мной или вообще происходило. Однако, заверяю Вас, что даже то, чего не было, вполне могло быть. Кого-то, возможно, возмутят или даже шокируют мои истории, но это и есть часть той настоящей жизни, которую я знаю изнутри. А поводом для мысли о написании этой книжки послужило интервью, которое я давал одной молоденькой девушке из телекомпании (неважно, какой). Она расспрашивала о нашей работе, а в конце попросила рассказать весёлую морскую историю. А я не смог. Постеснялся, да и времена были другие. А теперь осмелился рассказать, не стесняясь и не скромничая. Образно выражаясь, жёсткий диск моего мозга переполнен информацией и её необходимо «слить» на внешние носители. Вот и стала эта книга одним из внешних носителей информации. А что делать с ней, решать Вам.

Имена людей, названия судов и некоторые географические наименования изменены мною намеренно, дабы никого не обидеть. Если же кто-то узнает себя или своих знакомых, ничего страшного. Другие ведь об этом не узнают, а себе можно и не признаваться.

В повторное издание книги вошли несколько новых историй, что-то было исправлено, кое-что добавлено по просьбам читателей, от которых получено множество отзывов.

Ну, вот и всё. Желаю Вам приятного времяпрепровождения за чтением этой книжицы.

автопортрет на фоне айсбергов

Предисловие

*Кто на море не бывал,
Тот и жизни не видал.
(моё мнение – Е. Дворкин)*

Скажите, дорогой читатель, с Вами бывало такое – прочитаешь что-либо и покоя себе не находишь. Прочитанное так в душу западёт, так в сознание вопьётся, что преследует тебя и день, и два... и много, много дней. И не избавится от прочитанного, чем бы ты не занимался. Сюжеты, герои книги преследуют тебя всюду, ежечасно.

Это как, вдруг, неожиданно-негаданно встретишь симпатичную женщину. Глянешь ей вслед, а она улыбнётся тебе доброй, ласковой улыбкой. И кажется, что эта улыбка только тебе принадлежит, только тебе предназначена. И уже поздно вечером, находясь в одиночестве, улыбка эта приходит тебе на память и не даёт тебе уснуть. Так и стоит, стоит перед глазами, лишая тебя покоя...

Вот и со мной произошло то, о чём я и думать то забыл. Я влюбился. Влюбился и потерял покой. Надолго ли? Не знаю. И, не смотря на то, что я места себе не нахожу, голова уже болит от переживаний и чувств, а не хочу я расставаться с ощущениями от прочтения этой книги.

Когда то, в далёких шестидесятих годах прошлого века (подумать только – какой же я старый!), я и сам носил морскую форму и слился с корабельной жизнью. Мне и сегодня не забыть всего того, что преподнёс мне флотский быт. Многое сегодня вспоминается из того; что с радостью, что с грустью. Однако осознание своего возраста давно уже поставило крест на этих воспоминаниях.

Но вот у меня в руках появилась эта замечательная книга. С некоторой настороженностью я перелистывал первые её страницы. Правильно сказал Автор в самом начале своего повествования:

– Рассказывать моряку про моряцкую жизнь всё равно, что солить солёные помидоры. Вот и я, повывавший во флоте немало, думал:

– Ну чем ещё может удивить меня мореман на закате моей жизни. Тем более что, судя по всему, он моложе меня лет на двадцать.

Но чем дальше и дальше я вчитывался, тем беспокойней становилось у меня на душе. Как будто я вновь, безусым морячком, вхожу по трапу на родное судно, где меня ждут неотложные дела: вахты, ремонтные работы, уборка помещений и, конечно же, друзья.

Друзья, с которыми столовался за одним бачком. Друзья, которые всегда тебе рады. Друзья, с которыми ты делил поровну все невзгоды флотской жизни, флотский сухарь, последнюю сигарету и недопитый стакан водки.

Только женщин мы не делили между собой. Женщина для нас была святее святого. Хотя потом, с возрастом, все мы поняли, что это оказалось несколько не так. Женщине не понять нашей флотской жизни. Как и нам не понять их бездумной изменчивости.

Бог им судья! Нет у нас обиды на них. Боль бывает... А обид нет.

Мы же числили себя морскими бродягами. И не пристало нам долго страдать из-за юбки.

Перелистывая дальше страницы, я как будто сопереживал жизни каждого из её героев. Всё мне было знакомо, по сути, по характеру отношений между людьми, по всяческим флотским коллизиям, которые Автор так вовремя, так к месту описывает очень подробно, откровенно, со знанием дела. Чувствуется, что произведение не надумано, а с первой и до последней страницы суть правды. Правды жёсткой, порой жестокой, но правды.

За это хочется сказать Автору отдельное спасибо.

Книга охватывает большой временной промежуток. От беззаботной курсантской жизни, через ещё только зарождающийся развал социалистических отношений между моряками и «прихватизировавшими» флот делягами, ничего во флоте не смыслящих, до капиталистических отношений работы под иностранными флагами. И здесь некоторый страх за рассказчика наваливается на тебя, когда он, в растерянности, начинает метаться в поисках средств для обеспечения семьи на уровне непотопляемости в жестокие годы развала всего. И флота Российского тоже. Я даже позволил себе давать Автору запоздалые советы в том, что надо было делать. Я сопереживал вместе с Автором в безпутьи, на котором оказалась вся страна. И, понимая, что книга ещё не заканчивается, откладывал недочитанные страницы на завтра. Чтобы утром, на свежую голову, узнать: а как же Герой выберется из охватившего всех безвременья.

И как же с облегчением я вздохнул, когда увидел, что постепенно, не сразу, но жизнь флотская стала принимать моего, потерпевшего крушение на других поприщах, флотского товарища. Как с каждой страницей всё укреплялось и укреплялось его положение на однажды выбранном пути – во флоте. Вот уже и юморные сценки стали проскальзывать в его повествовании. Вот уже и спокойствие почувствовалось в его поведении на мостике «пароходов».

Только к одному не приспособился Герой – к восприятию, как должного, чванства, бюрократии, хапужничества, подлости к своим подчинённым. До последнего дня службы на флоте он сохранил флотскую честь, достоинство, порядочность. Честь ему и хвала. Не многие сумели сохранить себя, пройдя через горнило «рыночных» отношений на пути, которым пошла, не понятно зачем, наша страна.

Если Вам, мой дорогой читатель, взгрустнётся, если Вы, вдруг, заскучаете по порядочным людям, если Вы окажетесь в безвыходном положении – откройте книгу Валерия Юрьевича Железнова «Самый полный Stop!». Откройте и, не торопясь, вдумчиво прочитайте её. И Вы увидите, что не всё ещё потеряно в жизни. Даже если жизни этой самой осталось чуть-чуть.

Спасибо Вам, Валерий Юрьевич, за Вашу книгу.

Евг. Ник. Дворкин-Грошев.

Часть первая

Байки из старого плавучего чемодана

Первая практика

В те далёкие времена, когда наша страна называлась по-другому и правили ею умудрённые партийные старцы, я начинал постигать морскую науку. Второй курс мореходки – это весёлое время: ты уже не салага – первокурсник с единственной «соплёй»¹ на рукаве, но ещё и не озабоченный будущим дипломом, «старичок». В настоящий морской поход нас ещё не выпускали, но практику на судах уже проходили. Разбросали нас малыми группами по разным судёнышкам, которые ходили около берега или вообще от него не отрывались.

Нам четверым – водолазный бот. Катер этот принадлежал какой-то речной организации и ходил только в её пределах. Да и то, по причине ветхости, редко отрывался от причала. Управлял этим судном экипаж из двух человек. Капитан и механик, оба пенсионеры. От осознания возложенной на них ответственности за воспитание молодого поколения моряков, старички делали серьёзные лица и говорили правильные морские слова. Хотя в душе они наверняка проклинали начальство, приславшее им неизвестно зачем эту обузу в виде четырёх бестолковых «карасей»². Отвечай тут за них. А эти самые «караси» смотрели на серьёзных стариков, их доживающий свой век катер и думали: «Какого хрена мы здесь делаем. Всё это давно должно пойти на переплавку вместе с экипажем». Но раз уж практика, значит нужно что-то делать. Вот мы и делали.... Всё. Мыли, шкрябали, красили и перетаскивали с места на место всё, что не было привинчено. Если снаружи катер ещё как-то смотрелся, то внутри он был в ужасном состоянии. Ремонт не проводился очень давно. Да и зачем тратить деньги на рухлядь, а списать нельзя: время не пришло. Так как мы местные, то жить на этом плавучем хламе нам не приходилось. Мы просто приходили утром и уходили после окончания рабочего дня. Денег нам не платили и, поэтому, работали мы не спеша. Но в те далёкие времена всё же существовала забота о подрастающем поколении и прохождение практики курсантами, было важным делом. Ради этой цели на катер было доставлено некоторое количество краски и решено было заодно подновить катерок. Так, не торопясь, с шуточками и перекурами, мы проработали почти всю практику, а в конце капитан предложил нам сделку: мы быстро красим шкиперскую³, и он отпускает нас на несколько дней раньше, а в справке указывает полный срок. Тем самым он и от нас избавлялся, и план прохождения нами практики выполнял. Нам эта идея понравилась, тем более что помещение шкиперской было маленькое. Капитан предупредил нас, что бы мы работали по 15 минут и затем вылезали на палубу перекурить. Он-то знал, в чём дело. Но мы считали, что можно всё быстренько покрасить и убраться поскорей. Своих дел не впроворот. Эх, молодость. Пока своих шишек не набьёшь – не поумнеешь, а чужие советы – это пустой звук.

Мы залезли в шкиперскую, а старик удалился по своим делам. Сначала мы просто быстро мазали кисточками по переборкам. Затем как-то незаметно это занятие показалось нам увлекательным и с каждой минутой становилось всё веселей и веселей. Буквально через полчаса это занятие вызывало в нас дикий восторг. Каждый мазок кисти сопровождался взрывом хохота и тирадой непристойных шуточек. Постепенно и как-то незаметно для себя

¹ нашивка на рукаве, означающая на каком курсе учится курсант

² «карасями» обычно называют молодых или совсем неопытных моряков

³ кладовая для хранения шкиперского имущества

мы перешли от покраски переборок к покраске друг друга. Сначала Андрюха выкрасил суриком мне задницу. Мне же показалось это очень эстетично и, в отместку, я нарисовал ему на плечах погоны, а на рукавах шевроны. Денис же не стал ждать милостей от друзей и начал раскрашивать себя сам. Перемазал всё лицо краской и на полном серьёзе заявил, что он Чингачук. Мы все дружно поддержали его в этом утверждении.

Четвёртый наш поделник, тоже Валерка, был человеком самым серьёзным из нас. Он смотрел на нас с возмущением и заявил, что мы все идиоты, а не моряки. После этого он показал нам, как должен выглядеть настоящий морской волк. Снял робу и начал рисовать на груди тельняшку. Мы глубоко осознали свою неправоту и с величайшим воодушевлением принялись рисовать на нём якоря, штурвалы, кораблики и всякие разные символы, присущие настоящему морскому волку. Естественно, никто не стеснялся в выражениях, и это ещё больше усиливало наш восторг от происходящего. Вообще, нам было безумно весело и ни о каком перерыве мы слышать не хотели, когда сверху возмущённый голос старика-капитана приказал нам немедленно вылезать на палубу.

Возможно, мы его даже послали в известном направлении, но каким-то образом ему удалось убедить нас вылезти. Оказалось, что подняться по трапу всего на два метра, не так-то просто. Трап этот, сволочь, почему-то упорно не хотел держать наших ног и поручни, заразы, специально выскальзывали из рук. Но юмор помогает нам преодолевать любые трудности. После нескольких попыток, захваченный старческой рукой за шиворот и подталкиваемый в крашенный зад, я был извлечён на свет божий. Стоять на палубе было невозможно. Она качалась и прыгала самым невероятным образом. В ясную солнечную погоду, при полном штиле, у причала разыгрался настоящий шторм. Повалившись на палубу, я совершенно неожиданно сделал открытие: солнце-то голубое, а трава и листья синие. Поделиться с коллегами открытием я не успел, так как мои размышления прервал новый приступ истерического хохота. Это мы смеялись над капитаном, который стоял над нами с растерянным лицом, размахивал руками и матерился на чём свет стоит.

Постепенно смех затихал и все начали успокаиваться. Капитан ушёл, оставив на палубе четыре тела. Тела эти, подышав немного свежим воздухом, начали потихоньку осознавать реальность и обнаружили себя перемазанными краской с ног до головы. Когда возвратилась способность координировано двигаться, мы отправились отмываться соляжкой на причал. А потом мылись хозяйственным мылом в воде около причала. Душа рядом не наблюдалась. Кое-как отмыв краску и, воняя соляжкой, мы разъехались по домам. Мало того, что в транспорте все шарахались от нас и воротили носы, так ещё и «отходняк» начался. Дома долго пришлось мыться и отстирывать провонявшую соляжкой форму.

На следующий день было не подняться. Голова лежала на подушке как «мёртвый» якорь на дне. А термин «токсикомания» вошёл в наш лексикон много позже.

с курсантами на «Авроре»

Первый рейс

В свой первый рейс я вышел матросом-практикантом на большом морозильном рыболовном траулере с гордым и грозным названием «Таран».

Надо заметить, что в том государстве, которое называлось по другому, имелся огромный рыболовецкий флот, дававший работу несметному количеству моряков и обеспечивавший рыбной продукцией чуть ли не полмира. Кроме себя. Как это ни парадоксально, но в наших магазинах морепродуктов было мало, и выбор был чрезвычайно беден. Купить что-нибудь вкусное можно было только по блату или с переплатой у спекулянтов. Магическое слово «дефицит» господствовало на необъятных просторах нашей Родины. И это касалось не только морепродуктов, но всего что хотелось бы иметь или кушать простым гражданам этого государства. Стоит, однако, с гордостью заявить, что наш народ не унывал, не голодал и ходил одетым. Дефицитные продукты, импортные шмотки, мебель и аппаратура добывали с удивительной изобретательностью и настойчивостью.

Путей добычи было несколько. И одним из них были моряки-заграничники. Вопреки «Моральному кодексу строителя Коммунизма» они протаскивали через пограничные и таможенные заслоны некоторое количество импортной «заразы». Всё что привозилось правдами и неправдами, продавалось моментально и с немалой выгодой. Но страна огромная и народу в ней тьма, поэтому победить «дефицит» таким кустарным способом не удавалось.

Моряки, как и все люди, были разные. Одни предпочитали не нарушать нормы и возили только разрешённые товары в дозволенных количествах. Другие, их было меньше, наоборот проявляли чудеса изобретательности, чтобы доставить вожделенный «импорт» советскому человеку, который почему-то упорно предпочитал продукт гниющего капитализма отечественному. И как ни старалась советская пропаганда уверить нас в том, что мы строим рай на Земле, а весь остальной мир смотрит на нас с завистью из навозной кучи, почти ничего из этого не выходило. Хотя кое-какие усилия не пропали даром. Я вот, например, стремясь к буржуазным материальным ценностям, был уверен, что живу в лучшей стране мира, а тот мудрый старец, с густыми бровями, который еле передвигал ноги под тяжестью наград и титулов, был гениальным вождём. Наивная юность! Хотя и сейчас я с некоторой ностальгией вспоминаю те времена, но воскрешать то государство я бы не хотел. Короче, в той парадоксальной стране жить было весело или, во всяком случае, не скучно.

И вот я, восемнадцатилетний паренёк, прошёл все инстанции визирования. Зазубрено отвечал на все вопросы серьёзных партийных дяденек и был признан благонадёжным советским гражданином, имеющим разрешение на заграничные рейсы. А это значило многое. Это был романтический путь к далёким экзотическим странам и меркантильный путь к заморским дефицитам. Однако не всем моим сокурсникам этот путь был открыт. Некоторые попали на суда, не заходящие в иностранные порты. Я же благополучно получил паспорт моряка и был отправлен на учебно-тренировочное судно, переучиваться на матроса 2 класса. В мореходке я учился по электрической специальности, но рыбакам нужны были матросы, вот нас и послали. На УТС⁴ мы должны были освоить смежную специальность, но так как основы морской практики мы проходили в мореходке, повышать наши знания матросского ремесла на практике никто особо не собирался, ибо знали, что в рейс мы идём рыбообработчиками. Мы исправно посещали УТС каждый день в течении месяца и учились... Учились играть в разные карточные игры, пить втихаря портвейн из горлышка и перебивать запах спиртного десятком разных способов. На УТСе я научился пить чистый спирт и не обжигать горло. Много почерпнул я от опытных людей в плане обхождения с женским полом.

⁴ учебно-тренировочное судно

Очень полезны оказались приёмы общения с начальниками. И много ещё чего нового я узнал за этот месяц. Ну, а что касается матросской профессии, то бывалые моряки сказали, что всё придёт в процессе трудовой деятельности. С тем мы и были выпущены в рейс.

Надо сказать, что матрос 2 класса – это не самое низкое звание. Были ещё матросы без класса. Но это уже люди, не имевшие никакого специального образования, и доверялась им только швабра. А матрос-практикант занимал промежуточное положение между двумя этими низшими ступенями судовой иерархии. Работали как все, но прав не имели почти никаких. А работать пришлось, я вам признаюсь, по ломовому. Восемь через восемь. Восемь часов в рыбьих кишках и чешуе шкеришь⁵ рыбу, а потом без чувств валишься в койку, продолжая шкерить рыбу даже во сне. Первые вахты на промысле были настоящей каторгой, а сны между ними кошмарами на производственную тему. Недаром говорится: рыбак – дважды моряк. Но как всегда, молодость и оптимизм побеждают все трудности. Восьми часов, между вахтами, постепенно стало хватать не только на сон, но и на кино, книги, карты или просто непринуждённую травлю за кружкой крепкого чая из трёхлитровой банки.

Рейс предстоял долгий – шесть месяцев. Заход в иностранный порт планировался только один. И поэтому устраиваться предстояло основательно и надолго.

Наш «Таран» был старой посудиною, изрядно потрудившейся на благо Министерства рыбного хозяйства. Строили его серийно на одном из военных судостроительных заводов. И проектировали его наверняка конструкторы военных кораблей. А это значит, что получился он прочным и надёжным, но без претензии на комфорт экипажа. Главное – чтобы ходил по морям-океанам и выполнял государственные планы вылова. А сотня человек, которые на нём обитали по полгода, устроятся сами. Вот мы и устраивались.

Каюта была четырёхместная. Жили три практиканта и матрос 1 класса. Вот под руководством этого морского волка мы и начали благоустройство. Прежние жильцы оставили нам раздолбанную и засранную каюту. Ведь никто не собирался задерживаться тут надолго. А почему? А потому что «Таран» слыл местом ссылки провинившихся, но не лишённых визы, моряков. И когда твой собеседник, например, узнавал что тебя послали на «Таран», он обязательно спрашивал: «А за что?». Поэтому мало кто засиживался на нём более одного рейса, а следовательно и отношение к судну было наплевательское.

Первым делом мы отремонтировали дверь, потом починили, как могли, шкафчики и рундуки⁶ (надо же где-то хранить вещи). Затем заново перекрасили всю каюту и, как могли, залатали дырявые матрасы. Надо отдать должное нашему старшему товарищу по каюте. Миша оказался рассудительным и знающим человеком. Он показывал как лучше делать ремонт и не издевался над нашим неумением. Короче, нормальный оказался дядька. По возрасту он годился нам в отцы и внушал к себе уважение и доверие. Весь ремонт мы успели закончить ещё до отхода в рейс, иначе жить было бы неудобно.

И вот настал долгожданный день. Наш «Таран» был готов к выходу в море. Лето 1980 года запомнилось мне не только Олимпиадой в Москве и смертью Владимира Высоцкого, но и моим первым выходом в море.

Погода соответствовала торжественности момента. Солнце и на море штиль. Лоцман на борту. Таможня и пограничники закончили досмотр и дали «добро» на выход. Отдали последние концы,⁷ и БМРТ отделился от причала. Буксиры помогли выйти из гавани и отстали. Команда, конечно, по такому случаю, употребляла внутрь отходные литры спиртного. А как же иначе? Если не выпить на дорожку – удачи не будет! Мы, пацаны, ещё так бухать не умели и, приняв на грудь символические соточки, высыпали на верхний мостик

⁵ разделявать и чистить

⁶ ящик для хранения вещей

⁷ швартовные тросы

понаблюдать как тает в дымке родной порт. Море смеялось, душа пела, мысли летели в будущее. В общем, настроение было прекрасное и всё было ново. Вниз не хотелось, интересно было всё увидеть своими глазами: как сдают лоцмана, как остались позади, стоящие на внешнем рейде суда, как идут встречные суда и как обгоняют попутчики, как они поворачивают и обходят стороной остров, расположившийся у нас на пути.

И вот тут в душу потихоньку стало закрадываться сомнение: а чего же мы-то не поворачиваем? Почему остров медленно, но неотвратимо вырастает из-за горизонта прямо у нас по носу? Наивная простота! Мы же не знали что и как. Мы же верили опытным штурманам и капитану. Они же для нас были как боги непогрешимы. Но оказалось, что один из этих «богов», стоя на вахте, употребил отходной алкоголь в несколько большем количестве, чем это было бы безопасно. Он забылся блаженным сном и наш «Таран», предоставленный сам себе, бесстрашно мчался прямо на остров, намереваясь переехать его пополам. Но этому героическому намерению не суждено было сбыться. На подходе к острову коварно затаились многочисленные банки⁸. Одну мы промахнули сходу, слегка скрежежтнув днищем по гальке. Вторая оказалась посерьёзней, и остановила нас. Наш БМРТ ещё рвался вперёд. Корпус дрожал под напором винта, а из-под кормы бурлила мутная вода, выбрасывая гальку и песок. Но вот наконец-то на мостике кто-то очнулся и дал задний ход. После долгих мытарств удалось сняться с мели самостоятельно. Банка оказалась не каменная, а песочная. Струёй размыли песок под днищем и отошли назад. Развернулись и стали выходить на фарватер. По пути зацепили ещё несколько банок, но нигде больше не застопорились. Вышли на фарватер, и пошли дальше как положено. Это происшествие вызвало в нас бурю восторгов и пересудов. Ну, как же!? Первый рейс и сразу такое приключение.

Балтику пересекли без происшествий. Работали, готовились к промыслу. Когда подошли к проливам, выяснилось, что после посадки на мель, в корпусе всё же образовались дырки. В результате, затопили шахту эхолота⁹ и пробили мазутный танк¹⁰, но сразу этого никто не заметил. Пока шли через Балтику, мазут потихоньку вытек почти весь, а это значило, что котёл и опреснитель не будут работать в нормальном режиме, то есть, пресной воды нам будет не хватать постоянно. С такими повреждениями нельзя выходить в океан и нас завернули на ремонт. Ремонтировались мы в маленьком городке Светленький на юге Балтики.

Гостеприимный городок принял нас как родных. наших моряков местные женщины принимали вполне радушно. А местные мужчины охотно пили «на халяву» нашу водку и не возражали против общения с их женщинами. Не считая мелких стычек, стоянка прошла вполне мирно. По причине скудости наших финансовых возможностей, в ход пошло кое-какое судовое имущество и товары из судовой лавочки. Надо же было на что-то угощать новых друзей. Ремонт закончился быстро. Дыры залатали и снова в путь. Вперёд, за рыбными богатствами океана. В Северном море попали в шторм. Тут я впервые на себе узнал значение термина «морская болезнь». Качало – то не очень сильно, но организм, ни разу не бывавший в болтанке, упорно отказывался принимать пищу внутрь. Мало того, он норовил исторгнуть наружу те жалкие крохи, которые удалось-таки запихнуть в желудок. Иногда казалось, что тебя выворачивает наизнанку и кишки от самой жопы вылезут через рот при очередном приступе. Руки дрожат как с похмелья, ноги ватные и тоже предательски трясутся. Короче, чувствуешь себя в полном дерьме и ни на что не способным ничтожеством. Лекарств от морской болезни нет, никакие таблетки не помогают. Лучшее средство – это лежать на свежем воздухе и смотреть на горизонт пока организм, а вернее его вестибулярный

⁸ здесь означает отмель

⁹ прибор для определения глубины моря под килём судна

¹⁰ ёмкость в корпусе судна для хранения жидких грузов

аппарат, не адаптируется. Это в идеале, а на рабочем пароходе¹¹ никто не позволит тебе такой роскоши. Работать должны все. И как меня уверяли, работа отвлекает. Хрен там! Нас загнали в трюм, суричить¹²палубу. И с тех пор я знаю, как пахнет морская болезнь. Она пахнет железным суриком на олифе. И ещё скажу, что в закрытом помещении, симптомы морской болезни усиливаются. Ну и получается, что заблевал я большую площадь, чем покрасил. Мои сотоварищи по несчастью были не в лучшем состоянии. Казалось, это издевательство не кончится никогда, и жить хотелось всё меньше и меньше. Но организм у меня оказался вполне нормален и через трое суток я уже жрал всё подряд как бешеный бегемот. Отъедался и восполнял потерянное за эти трое ужасных суток. Всё входило в норму, как и должно было быть. Но это был лишь первый урок, который преподнесло мне Море. Хорошо хоть никто из бывалых не смеялся над нами. Моряки, а особенно рыбаки, народ простой и «обосрать» человека с головы до ног, у них не считается зазорным если есть повод. Но и тут есть некие «табу». Смеяться и злословить над морской болезнью грешно. Все через это прошли и никто не виноват, что наши мозги устроены именно так, а не иначе. Даже самые смелые и сильные люди не могут противостоять Природе и страдают как все. Другое дело, бывали случаи, когда организм упорно не желал привыкать к качке и пять и десять дней. И вот это уже становилось серьёзной проблемой. Таким людям вообще не следовало бы соваться в море, ибо кончится это могло плачевно.

Был и у нас один такой. Боря серо-зелёного цвета валялся в своей кровати, а судовой врач колот ему глюкозу и ещё какую-то дрянь, дабы поддержать организм и компенсировать обезвоживание. После десяти суток из цветущего молодца получился осунувшийся, серый старик и уже было принято решение отправить его домой на первом же встречном советском судне, идущем домой. Но через две недели ему полегчало, дело пошло на поправку, и он попросил оставить его. Казалось бы, этот человек уже никогда больше в море не пойдёт. Ан нет, я встречал его позже и в других рейсах. Он так же болел, ужасно страдал, бросать моря не собирался. Нравилось ему Море.

Это необъяснимый феномен – Море. Оно притягивает к себе навсегда, если не отрицало сразу. Некоторые списывались на берег после первого же рейса и больше в море не ходили, а другие, наоборот, терпели трудности, болели, разводились с жёнами, теряли многое на берегу, но упорно продолжали ходить в море. Никто не знает, почему альпинисты лезут в горы, полярники идут пешком к полюсу, почему лётчиков тянет в небо, а моряков в море. Я и сам не знаю, почему много раз собираясь бросить всё к чёртовой матери и остаться, вновь уходил в море и каждый раз думал, что это последний рейс. Что держит человека в море? Вот загадка. Деньги? – так нет. Бывало, знакомые смеялись надо мной, узнав размер моей зарплаты. Романтика? – может быть, но её очень мало. В основном – тяжёлый, монотонный труд, нервное напряжение и ответственность. Говорят, что духовно близких людей тянет друг к другу. Да, возможно. Если в море ты с кем-то подружился, эта дружба дороже родства. Этих людей помнишь всю жизнь. Но ведь бывает, что в конце рейса видеть не можешь эти опостылевшие морды, а к некоторым неприязнь появляется уже в начале. Это космонавтов подбирают по психологической совместимости, а в море выходят очень разные люди. Отношения складываются по-разному. Всякое случается. И драки с поножовщиной и подлянки втихаря, и злые приколы на виду у всех. Но мне, наверное, повезло. Я чаще встречал хороших людей и всегда старался сглаживать острые углы в общении. Это на берегу ты можешь отвернуться и уйти в другую сторону, а тут податься некуда и просто необходимо уметь ладить с людьми, чтобы выжить. Хотя без исключений не обходится.

¹¹ здесь и далее я так называю любое судно вне зависимости от типа двигателя

¹² грунтовать суриком

В одном поисковом рейсе; это когда не важно, сколько выловишь, главное разведать, где ловить, к нам в экипаж зачислили женщину из института рыболовства. Её задача была исследовать всё, что мы поймает, описать и составить отчёты о перспективах промышленного лова. Короче, учёный человек. Женщина замужняя с ординарной внешностью. Да на флоте никогда красавиц-то и не было. Красивым и на берегу найдётся тёплое местечко. А и не важна в море особая красота, главное, чтобы она была – эта женщина как таковая. Вышла в море – можешь считать себя красавицей. После долгих месяцев воздержания мужику только дай и будешь королевой. Опять же есть возможность выбора и можно покапризничать, да ещё кое-что потребовать в качестве вознаграждения за минуты блаженства. Одна на десять – двадцать здоровых сильных мужиков. И даже если на берегу на неё никто бы не посмотрел, тут разгораются страсти и рыцарские турниры. Короче, в море женщина имеет неоспоримое право выбора. Это нормально и в порядке вещей. Но вот что бы ни с кем и ни разу – это нонсенс.

Так вот, эта Евгения Сергеевна, женщина, скажем так, немного за тридцать, упёрлась и не желала ни с кем вступать в интимную связь. Уж как её только не обхаживали. Самые завзятые ловеласы «подкатывали яйца» к ней. Но всё тщетно. Ни с рядовыми, ни с комсоставом. Больше половины рейса её пытались уломать по-хорошему. Дело пошло на принцип. Никак! И тогда отвергнутые соискатели объединились в праведном гневе. Стали методично и зло прикалываться над ней. Словом ведь можно обидеть большее, чем кулаком. Конечно, никто руку на неё не поднимал, но колкости становились сильнее изо дня в день. Даже соревнование своеобразное вышло, кто насолит покруче. Подбрасывали в каюту крысу, бросали в суп таракана или муху в компот. Даже умудрились подкрасить ей юбку сзади в кроваво-красный цвет и тому подобные штучки. Бедняжка краснела, бледнела, ужасно обижалась, ходила жаловаться капитану, но всё бесполезно. Сочувствия не наблюдалось. Женская часть экипажа её тоже невзлюбила и презирала: «Корчит из себя целку!». Задолбали её так, что она почти не появлялась из каюты, а вскоре и вообще перестала выходить без особой надобности. Но так как ни туалета, ни умывальника у неё в каюте не было, выходить приходилось. Изодрённая травля всё-таки сделала своё коварное дело. «Крыша поехала» у несчастной окончательно и она залезла в петлю! До конца рейса оставалось немногим более месяца, но видно терпение лопнуло, и жить этот месяц ей показалось незачем. Вся остальная жизнь тоже потеряла смысл. И дело закончилось бы плачевно, если не случайность. Иллюминатор её каюты выходил на палубу, а не за борт, как у многих. Вахтенный матрос, обходя судно, решил изобразить очередную пакость и заглянул в иллюминатор, как раз, в тот момент, когда она прыгнула с кровати. Поиздеваться – это да, но смерти ей никто не желал. Дверь каюты вышибли в секунду и срезали верёвку. Подняли с постели доктора, доложили капитану и старпому. Доктор прибежал в халате, в трусах и босиком. Увидев, что она жива, велел перенести в лазарет. Весть разнеслась по экипажу мгновенно, и настало время опомниться. В глаза друг другу старались не смотреть и как с похмелья осознали, что переборщили. И притом подло. Разборки устраивать не стали. Все были в курсе дела, а конкретных виновников нет. Каждый судил себя по-своему. Рейс срочно прекратили, а доктор лично дежурил в лазарете, опасаясь повторного суицида. Я не знаю, как сложилась её дальнейшая судьба, но думаю, в море она уже никогда не выйдет.

Вот такая мерзкая история. Слышал я байки о подобных случаях, но на моём веку это был единственный случай. Бывали жестокие драки, дрались даже тётки. Но всё это было сдуру, от скуки или по пьянке. За долгие месяцы пребывания в замкнутом коллективе, при монотонной работе, конечно, мозги немного набекрень становятся. Ну, подрались, ну, помирились, но чтобы планомерно и всенародно травить человека – это единичные случаи. Бывали случаи когда «башню сносило напрочь». Люди сходили с ума. Кто на время, а кто и совсем. Но это другое дело. Слабая неустойчивая психика не выдерживает напряжения

и ломается. К счастью, в большинстве случаев, находились способы избежать конфликтов, и беды не случалось. Это радует. Морская профессия не самая опасная и погибнуть в море шансов намного меньше, чем разбиться в автокатастрофе или отравиться «палёной» водкой и замёрзнуть под забором. Писанные и не писанные морские законы требуют спасать жизнь человека любыми способами и строго осуждают тех, кто этого не делает.

Работа на промысле меньше всего располагает к романтике. Пахота по уши в рыбьей чешуе и постоянной сырости. По уши – это в буквальном смысле. Тех, кто покрепче, брали в траловую команду¹³. На палубе нужна физическая сила. Остальных вниз, в рыбцех¹⁴. Рыбообработчики делились на две бригады. Внутри бригады у каждого была своя специализация. Называлось это по-разному. У нас же были бункерман¹⁵, головорезы¹⁶, залупальщики¹⁷, забивка¹⁸, глазировка¹⁹, обвязка²⁰ и трюмный²¹. Руководил рыбмастер, а следил за качеством и соблюдением технологии технолог. Учились работать по ходу дела. «Старики» показали что да как, и в путь. Десять раз объяснять некогда, что не понял, «догоняй» сам. Рыба – это наши деньги. Мало её поймать, её нужно успеть обработать до следующего подъёма. Поэтому когда поднимали полный трал, перекуривать было некогда. Да ещё вызывали подвахту²² из машины и других служб.

Особой силой я не отличался, да и ростом невелик. Вот меня и засунули в бункер. Бункерман отвечает за исправную подачу рыбы из бункера, куда её сливают²³ тральцы²⁴, на транспортёры для дальнейшей обработки. Работа ни чем не лучше и не хуже других. Но мне она понравилась. Всё-таки не надо тупо кромсать рыбы головы или стоять на «залупе», вычищая внутренности.

Тут было хоть какое-то разнообразие. Рыба разная. Одна течёт на конвейер как вода, а другая встаёт колом и её нужно выпихивать изнутри. Закупоренный, с ног до головы, в непромокаемый «рокон»²⁵, я нырял в бункер и вытаскивал рыбу на конвейер через боковые окна. Без дела не сидел. И когда рыбы на конвейере было полно, помогал головорезам. Правда, у меня была возможность немного «посачковать», если очень устал. Залез в бункер и делаешь вид, что пихаешь рыбу. Обычно ко мне в бункер никто не лез.

Чего я только не рассмотрел в этом бункере. Часто в трал, вместе с основным выловом, попадали разные морские твари и всё это вместе с рыбой сливали в бункер. Акула била меня по роже хвостом, барракуда прокусила мне сапог вместе с пальцами. Несчётное количество раз кололи всякие шипастые рыбы из неведомой глубины. Иногда уколы воспалялись, а пальцы распухали и не гнулись. Однажды чуть не захлебнулся в огромной глубоководной медузе. Никогда больше я не видел такого чуда. Студень багрово-коричневого цвета заполнил бункер на четверть. Я поскользнулся в этой массе и упал. Подняться было нелегко.

¹³ команда матросов, работающих на верхней палубе при постановке и выборке трала

¹⁴ производственное помещение для обработки улова

¹⁵ работает в бункере, куда с палубы подаётся рыба, и отвечает за своевременную подачу её на транспортёры для дальнейшей обработки

¹⁶ отрубают головы и хвосты

¹⁷ вычищают внутренности рыбы

¹⁸ укладка обработанной рыбы в противни

¹⁹ покрытие замороженных брикетов рыбы тонким слоем льда

²⁰ укрепление картонных коробов с рыбой шпагатом

²¹ укладчик готовой продукции в трюме

²² дополнительная сверхурочная работа в помощь рыбообработчикам, но не более чем на два часа, оплачивалась отдельно

²³ некоторые виды рыб в больших объёмах текут как жидкость

²⁴ матросы траловой команды

²⁵ непромокаемая рыбацкая одежда

Не давали мокрый «рокон» и липкая, вязкая масса медузы. Но помог страх. Он, как известно, или парализует, или придаёт силы. Много попадалось разных забавных существ, из которых потом делали чучела и сувениры. Например, шкура от той акулы пошла на рукоятки шкерочных ножей. С рукояткой из акульей шкуры нож, как самурайский меч, не выскользывает из рук. Кстати сказать, казёнными ножами мы почти не пользовались, а постепенно изготовили себе собственные ножи. И уж тут каждый вкладывал всё умение и душу. Клинки делали из лучшей стали. И скажу честно, некоторые экземпляры не уступали самурайским мечам. Точили и шлифовали их с любовью. Рукояти украшали кто как мог. Некоторые наши головорезы умудрялись, подбросив рыбину, аккуратно срезать на лету голову и хвост, оставив тушку стандартного размера с идеальными срезами. У меня ножик был поскромней. Намного короче, ведь в бункере не нужен длинный нож, но клинок сделан из немецкого «бадера»²⁶. Очень прочная и эластичная сталь, можно было рубить гвозди. Но издеваться так над произведением своих рук никто себе не позволял. Эти ножи никогда не вынимались в ссорах. За такое били морду свои же.

Однажды я чуть не угодил в шнек мучного цеха. Туда сбрасывают рыбные отходы и перерабатывают их на муку. Располагается шнек прямо под лазом в бункер. Через него к лазу ведёт узкий мостик с поручнями. Подняли очередной трал, и я готовился принять улов в бункер. Тральцы открыли палубный люк и уже начали сливать рыбу. Вдруг слышу сверху крик: «Бойся!!!». Я ещё ничего толком не сообразил, как в меня ударил столб воды из лаза бункера. Меня смыло как щепку и, перелетев через поручень, я в последний миг успел зацепиться за него. Ещё мгновение и я бы рухнул в шнек. Высота, конечно, небольшая, но на дне шнека вращается архимедов винт, как в мясорубке. Не смертельно, но кости поломало бы. Испугался я уже потом, когда под шуточки и приколы снял мокрый рокон и выливал воду из сапог. Обошлось. В сушилке сменил робу на сухую и работал дальше. То, что во время шторма волна залетает по слипу²⁷ на палубу, не новость. Но тут вышло так, что палубный люк открыли до того как траулер развернулся носом на волну. Вся масса волны плюхнулась в пустой бункер, и через открытый лаз – прямо мне в харю, которую я туда сунул. К счастью, подобные случаи бывали не часто. Технику безопасности всё-таки соблюдали по возможности, все ведь жить хотят. А море, как известно, разгильдяйства не прощает. Потом долго вспоминали и обсуждали такие прикольные происшествия. Хотя какое-то развлечение в монотонной жизни промысла.

Но самыми желанными были встречи с другими судами, когда сдавали продукцию на базу или принимали снабжение, провизию, топливо. Они доставляли нам новые фильмы, газеты и, главное, письма из дома. У нас же была возможность отправить свои письма домой. Письма приходили пачками. От друзей, подруг, родителей. И каждый наслаждался ими по-разному. Я читал все подряд запоем, а потом, через некоторое время, перечитывал снова. Другие смаковали понемногу. Это кому как.

А вот ещё один забавный случай. Случился он ещё в самом начале рейса. Работали мы в северной Атлантике, а там штормит почти всегда. Траулер старый и не очень ухоженный, что-то постоянно ломалось или не работало никогда.

Однажды, по нужде, я побежал в носовой галюнь²⁸. Две кабинки из трёх были заняты, одна свободна. Я взгромоздился в позу орла и упершись руками в переборки, начал удовлетворять физиологические потребности организма. Невдомек мне было, почему Володя-трапец стоял в коридоре, курил и ждал, когда освободится одна из двух других кабинок. Качало прилично. Подо мной что-то булькало и шипело. Вдруг волна ударила в борт и всё содер-

²⁶ циркулярный нож для обрезки рыбы

²⁷ специальный наклонный жёлоб в корме судна для втаскивания на палубу трала с уловом

²⁸ туалет

жимое фановой трубы моего толчка, фонтаном окатило меня снизу и сзади. Не работала штормовая заслонка шпигата²⁹, но я-то этого не знал. Вот тут до меня и дошло, почему эта кабинка свободна всегда. Короче, весь в говне и с голой жопой я выскочил в коридор, под истерический хохот присутствовавших. Сначала я растерялся и обиделся, но потом самому стало смешно. Так с шуточками и зловонием я проследовал в душ. А с душем тоже была проблема. Пресную воду давали раз в неделю. Мазута-то мало осталось, и опреснитель запускали редко. Воду экономили. Обычное мыло, как известно, в солёной воде не мылится, а специального нам не выдавали. Вот мы и полоскались в холодной забортной воде. Рыбий жир смыть, конечно, было невозможно, а вот содержимое унитаза я смыл вполне удачно. Попахивал говнецом, конечно, немного, но это уже мелочи. Главное, не терять чувства юмора и не бояться посмеяться над собой. Говорят, умные учатся на чужих ошибках, а дураки на своих. Но ведь учатся всё-таки, а значит, становятся умней. Главное не наступать на одни грабли дважды, а ошибки и всякие нелепые случаи бывают у всех. Например, наш боцман очень не любил когда свистят на палубе. Я этого, конечно, не знал и получил как-то подзатыльник. Но не обиделся, а понял, что традиции нужно уважать. Сам я человек не суеверный, но если есть такое поверье, что свист на палубе к шторму и многие в это верят, почему бы и не уважать эту старую морскую примету. Это ведь не трудно. А без традиций и обычаев на море было бы совсем муторно. Тупая беспросветная пахота ради заработка может свести с ума, что и бывало с людьми на моей памяти не однажды. Романтики в морской профессии очень мало, но она есть и эта малая доля спасает нас вдали от дома.

Вот так понемногу, набивая шишки, набираешься знаний, умения и жизненного опыта. Но опыт и могущество человека ничтожны перед страшной, стихийной силой природы. Если уж она захочет, сотрёт в порошок.

Переход на Большую Ньюфаундлендскую банку не предвещал ничего неожиданного. Вахт не было и после рабочего дня мы расплзались по каютам. Корпус равномерно раскачивался, и это было давно привычно. Но произошло что-то, что заставило судно лечь лагом³⁰. Волна ударила в борт и всё, что было на столе, с грохотом полетело в дверь. Мы ещё ничего не поняли, но что-то неприятно шевельнулось в мозгу. Через пару минут встал двигатель. Всё погрузилось в полумрак, только редкие аварийные аккумуляторные светильники давали жиденький свет. Все высыпали в коридор. Упираясь в переборки, спрашивали друг друга – что случилось. Сверху никаких команд или объявлений не было. Видно там тоже растерялись. Но слухи быстро распространяются по судну и вскоре все узнали, что управление потеряно, а из-за большого крена остановился главный двигатель. Запустили аварийную динамку и стали выяснять причины. Наконец-то очнулся мостик. Дали команду: «Задраить все иллюминаторы и водонепроницаемые двери наружного контура! Выход на открытые палубы запрещён!». Проверили рулевую машину. Исправна, а управления нет. Выходит либо сломался баллер³¹, либо вообще потеряли перо руля. Вот тут-то и вспомнили о посадке на мель по выходу из дома. Значит, было повреждено перо руля или фланец баллера. В Светленьком при водолазном осмотре ничего не заметили. За время рейса волнами разбило повреждённое крепление руля и перо благополучно легло на дно Атлантики. Если бы «трёху»³², Сергея Витальевича не списали тогда, то сейчас бы ему припомнили, как он пытался таранить остров. Дело было серьёзное и могло кончиться плачевно. Мы, пацаны, конечно, не знали, что такое остаться без хода и управления в штормовом океане. Доводить до нашего сведения серьёзность ситуации никто не собирался. Да и вообще, про нас, зелёных, забыли сразу.

²⁹ специальное сливное отверстие в корпусе судна

³⁰ бортом к волне

³¹ вертикальный стержень, соединяющий перо руля с рулевой машиной

³² так называют третьего помощника или третьего механика

Первым делом дали по радио «SOS»³³ и начали сооружать плавучий якорь из трала и пустых бочек, набитых в него. Это могло повернуть траулер кормой на ветер, тем самым уменьшив бортовую качку. Помогло, но ненадолго. Несколько свирепых рывков и ваера³⁴ лопнули. Понятно. Этот вариант отпадает. Потерянный трал стоил немалых денег, да и набивать новый уже было нечем. Тогда принято было решение ставить на корме парус, дабы повернуть нос на ветер. Собрали брезенты, скрепили их покрепче между собой и натянули на кормовой портал. На бумаге это легко, а при штормовом ветре и в брызгах ледяной воды, это почти невыполнимо. Но жажда жизни сильнее. Ребята у боцмана в команде были опытные и сильные. С помощью лебёдок всё-таки натянули полотнище и все, затаив дыхание, наблюдали как «Таран» потихоньку выворачивает носом на ветер. Может из этой затеи и был бы толк, но опять не рассчитали. Когда вышли носом на ветер, давление ветра на парус увеличилось настолько, что брезент затрещал. Боцман – Макарыч, увидев такое непотребство, бросился спасать драгоценный парус, пока он не разлетелся в клочья. Он-то уже тогда наверняка врубился, что площадь паруса слишком велика и её нужно сократить. Не знаю, что наш опытный Макарыч сделал не так, только все увидели его мощную фигуру в воздухе. Он держался за шкаторину³⁵, которую всё-таки оторвало и жутко орал. Из-за ветра не слышно было ругался он или вопил от страха. Пока он болтался в воздухе, с него сорвало шапку и сапоги, а размотавшиеся портянки, улетели далеко в океан как лепестки ромашки. Болтался он недолго, и минуты не прошло, как он отцепился. Но для него, наверное, это были часы на грани жизни и смерти. Боцман кувыркнулся в воздухе и рухнул в карман справа от слипа. Он сильно ударился о фальшборт³⁶, но это его и спасло. Будь фальшборт пониже, он бы просто перелетел через него и упал в воду. При ударе Макарыч потерял сознание и если бы упал за борт, утонул бы наверняка. Можно сказать – родился под счастливой звездой. Как потом выяснилось, ничего себе не сломал, а отделался лёгким сотрясением мозга. Парус же спасти не удалось. Его всё же порвало ветром в клочья. После полёта боцмана, повторять этот подвиг уже никто не захотел. Да капитан бы и не разрешил.

Хватит и того, что потеряли ценный трал и кучу нового брезента, трупов только не хватало. Решено было задраиться полностью и ждать спасателя из канадской зоны промысла. На вторые сутки к нам подошёл БМРТ «Черкесск» из нашей же конторы. Ни пришвартоваться, ни взять нас на буксир он при такой волне не мог. Не спасать он пришёл, а просто поддержать морально, ну и так на всякий случай. Всё-таки не одни. Он штормовал носом на волну, а мы дрейфовали лагом. Задраили всё, что могли и сидели как в консервной банке в ожидании помощи. Болтало так, что при крене приходилось вставать на переборку. Спали в спасательных жилетах. Но это тоже как мёртвому припарка. Если нас перевернёт, выбраться будет почти невозможно. А если и удастся выбраться наружу, в ледяной воде не протянешь и двадцати минут. И это в лучшем случае. Бывало, спасённые через десять минут, умирали на палубе спасателя от необратимых процессов переохлаждения организма. Но в жилете спать было спокойнее. Я, конечно, понимал, что дело серьёзное, но совершенно не представлял себе, что могу подохнуть здесь в таком цветущем возрасте. Такого шторма я больше не видел никогда. Провидению, богам или самой Матушке Природе, наверное, не нужны были тогда наши жизни и океанские волны не пустили на дно нашего ветерана. Все разговоры были только об одном. Как далеко спасатель и когда он сможет к нам подойти? «Черкесск» ещё четверо суток подбадривал нас своим присутствием и когда показался спасатель ушёл в свои рыбацкие будни. Спасибо ему. Мы же, возликовав, стали готовиться

³³ международный радиотелеграфный сигнал бедствия, состоящий из трёх точек, трёх тире, трёх точек

³⁴ стальные тросы, на которых тянут трал

³⁵ нижняя угловая часть паруса

³⁶ сплошное ограждение палубы

к приёму буксирного троса. Ещё почти сутки ушло на то что бы завести буксир. Рвались бросательные концы³⁷, проводники³⁸, лопнула скоба на браге³⁹. В конечном итоге умудрились зацепить буксир за нашу якорную цепь и спасательный буксир «Яростный», напрягая свои дизеля, потащил нас «за ноздрю». Это был триумф! Хотя я и не участвовал в заводке буксира, ликовал не меньше других. Ещё бы, спасение пришло, а это на словах не передать, это надо почувствовать самому. По глупости и по неопытности своей я страха не испытывал, но дышать стало как-то легче. Прекратилась эта выматывающая болтанка. Можно было нормально выспаться и полноценно поесть. Варить на камбузе было невозможно, суп выпрыгивал из закреплённой кастрюли. Питались консервами и бутербродами. А что бы заварить чай, приходилось банку с кипятильником держать на весу в сетке и придерживать, чтобы сильно не раскачивалась. Но потихоньку всё устаканилось, страсти улеглись, и разговоры перешли на тему предстоящего захода.

Вот она вожденная заграница! Мы уже строили планы на предстоящую отоварку, и поэтому, развесив уши, слушали бывалых. В том порту, куда нас волокли, рыбаки наши были постоянными гостями, да и не только наши. Многие из экипажа там бывали неоднократно, и давали великодушные советы нам первоходам, где подешевле отовариться, и как удачнее сделать «ченьч»⁴⁰. Перед нами маячили заветные достижения «загнивающего» капитализма.

Естественно, что перед заходом, первый помощник капитана собрал нас всех на собрание и провёл беседу о поведении советского моряка в иностранном порту. Помполит⁴¹ отвечал перед Родиной за наш моральный облик и был обязан беречь нас от пагубного влияния буржуйских радостей жизни, чтобы мы не опозорили светлого облика строителя коммунизма и оставались достойными гражданами великой советской державы. И по всему выходило, что постыдным и вредным было всё, к чему мы, неразумные, так стремились. Я не берусь судить, был ли наш помполит истинно верующим коммунистическим «совком», но отоварку он возил домой не меньше остальных.

После оформления соответствующих портовых формальностей экипажу было дано «добро» на сход. Не все сразу, а по очереди, правда. Когда подошла наша очередь, мы четверо и с нами старпом, сошли на берег. Впервые я ступил на чужую землю. Ходить в городе разрешалось только пятёрками. На четверых рядовых приходился один командир. Правило держаться вместе и возвратиться в строго назначенное время, должно было выполняться неукоснительно, так требовала «Инструкция». Выведя нас за ворота порта, старпом назначил время и место встречи, а сам удалился в одиночестве, плюнув на «Инструкцию». Мы же, четверо первоходов, остались один на один с неведомой и загадочной страной, таящей множество тайн и горы сокровищ.

Первая встреча с неведомым капиталистическим миром почему-то не оказала на меня должного впечатления. Нет, конечно, меня поражало обилие разных товаров на прилавках магазинов, потоки красивых автомобилей, яркая реклама, аккуратные и ухоженные домики местных жителей. Но я воспринимал это как должное. Ведь слышал же я, что там всё есть. Приятно удивило меня то, что люди были самые обыкновенные, улыбались, пили пиво в баре, гуляли с детьми и собаками, жили обычной жизнью. И даже большие серьёзные полисмены в чёрной форме с дубинками и наручниками не собирались хватать нас и бить только за то, что мы советские. Вообще никто не обращал на нас внимания, разве что про-

³⁷ тонкий трос с грузом на конце

³⁸ трос толще бросательного, но тоньше буксирного, служит для выборки буксирного троса

³⁹ часть буксирного устройства

⁴⁰ обмен, от английского слова «change»

⁴¹ помощник капитана по политической части

давцы в магазинах бросались помогать нам в выборе товаров. Никогда раньше я не видел продавца, который бы улыбался тебе и непременно хотел бы продать свой товар. В советском магазине такого просто не возможно было представить.

Потом был «ченьч», по-разному удачный, но всегда по обоюдному согласию сторон. И был мучительный выбор: на что потратить свои жалкие валютные ресурсы. Хотелось всего, моглось очень мало. Деньги кончились очень быстро и в оставшееся до отлёта время мы бродили по городу, узнавая всё новые подробности капиталистического быта. Но увидев всё своими глазами, я ещё продолжал верить в светлое будущее социализма, ибо вера эта вбивалась в мои мозги с младых ногтей. Прозрение пришло позже.

А пока предстоял длительный ремонт судна, и руководство решило отправить домой большую часть команды, в том числе и всех практикантов. Первый мой рейс заканчивался, но приключения продолжались.

В назначенный день погрузились в автобус и отправились в аэропорт. Летели с пересадкой в Монреале и далее через океан в Москву. Домой! Домой! Домой! Первое возвращение на Родину после первой долгой отлучки. Там ждут. Там встречают. Но хрен там! Опять Природа внесла свои коррективы. Москва не принимала по метеоусловиям и нас посадили в Киеве. Родина встретила нас настороженными взглядами пограничников и охотничьим азартом таможни. Перетряхнули всё тряпье, заботливо уложенное в сумки. Тщательно проверили отоварку. Нет ли контрабанды? Увы, в этот раз им не повезло. Добыча ускользнула из цепких лап. Всё разрешённое было по нормам. Самолёт в Москву ждали долго. Спасибо Аэрофлоту, накормили в ресторане аэропорта.

Москва тоже не обрадовалась нашему прибытию. Самолёт для дальнейшего перелёта улетел без нас. Аэропорт «Шереметьево-2» – большой и современный по тем временам, совершенно не приспособлен для длительного пребывания в нём группы беспризорных моряков. Даже просто присесть там оказалось негде. В транзитном зале были кафе и бар, но что там делать без денег? Семьдесят человек со своими пожитками расположились на полу посреди зала. Старшим группы был старпом. Он постоянно куда-то пытался позвонить, но похоже там его не ждали. Агент, который должен был нас встретить, не появлялся. Народ начал нервничать. Другие клиенты аэропорта, дико озираясь на нас, проскакивали стороной. Некоторые наши ушлые рыбаки уже продали кое-что из отоварки и потянулись в бар за водочкой. Как известно, русские тихо пить не умеют, а тем более обиженные невниманием к себе рыбаки. Администрации аэропорта такая ситуация тоже не нравилась и они решили избавиться от нас. Подали большой автобус и отправили нас во Внуковский аэропорт. А это уже аэропорт внутренних линий и обитали там обычные советские граждане. Там был зал ожидания, там мы не выделялись из прочей толпы и находились вне поля зрения иностранных пассажиров. Не прошло и двенадцати часов, как появился злосчастный агент. Подвыпившие тральцы готовы были порвать его как Тузик грелку. Его спасла пачка денег, которую он привёз и роздал нам в качестве приходного аванса. Все хотели побыстрее получить свои грошики и про экзекуцию забыли. Старпом смотрел, как его подопечные получают деньги, и лицо его мрачнело от нехороших предчувствий. А вернее он знал что будет. Ведь он летал уже не первый раз. И началось! За исключением нескольких зелёных пацанов, все ринулись к значным местам залить алкоголем голод и поднять настроение. Я ужасно был голоден и в числе немногих отправился в столовую. Старпом в отчаянии, а может по привычке, решил, что если пьянку нельзя предотвратить, то её надо возглавить и организовать. С этой-то мыслью он и присоединился к большинству. Семь бед – один ответ. И пошла гульба. Шмотки сторожили по очереди те, кто не бухал. Когда объявили посадку на наш рейс, каким-то чудом удалось собрать всех. Но вот переместить эту массу пьяных мужиков в салон самолёта оказалось почти невозможно. Пьяных в самолёт не пускают, но и оставлять тела товарищей не дело. Упрашивали чуть ли не на коленях, клялись всем святым, что будем вести

себя тихо. Когда заносили тела в салон самолёта, стюардесса в истерике бросилась к командиру. Она наверняка уже была знакома с пьяными рыбаками и новая встреча её не воодушевила. Командир лайнера пригрозил привязывать буянов к креслам и дал добро на посадку. Немногим, кто стоял на ногах, пришлось изрядно попотеть, пока перенесли всех лежащих в самолёт. Загрузили всех без потерь. Короткий перелёт я не помню. Почти суточная нерво-трёпка и совсем незначительное количество алкоголя «срубили» меня, как только я рухнул в кресло. Дома, в аэропорту, меня уже никто не встречал. Мы опоздали почти на сутки. Пришлось брать такси. А таксист, почуяв поживу, запросил с меня три счётчика. Торговаться я не стал. Домой хотелось до смерти и деньги для меня тогда не имели значения.

Впереди героя-моряка ждали ласковые объятия родителей, крепкие рукопожатия друзей и сладкие поцелуи подруг.

рулевой на вахте

Ледокол

Довелось мне поработать на одном старом паровом ледоколе. Звался он «Волынский». В своём роде знаменитое сооружение. Построенный в Германии, в 1914 году, он, после небольших перестроек, доходил до своего 75-и летия и был с почётом передан в морской музей одной маленькой, но гордой прибалтийской республики. Тогда она ещё не вышла из состава СССР. У нас самих, средств на сохранение исторической реликвии не нашлось. Надо пояснить, что это был второй проект русского ледокола после макаровского «Ермака». Первый в мире ледокол, детище передовой инженерной мысли, построенный по проекту адмирала Макарова, тоже не был сохранён и растворился в мартеновской печи вместе с прочим металлоломом. Ну что ж, в нашем огромном государстве пропадали ещё и более ценные исторические артефакты. А тут какой-то кусок металла. Так пусть уж лучше «Волынский» сохранился у них, чем пропадёт у нас.

Принадлежал ледокол тогда одной военной организации, призванной обеспечивать боеготовность военно-морских сил нашего государства. И по мере сил обеспечивали. Согласно штатному окладу. Сочетание военного командования и гражданских специалистов рождало множество курьёзов и недоразумений. Но об этом потом.

Работал я котельным машинистом, а проще кочегаром. Правда, уголь лопатой не кидал, так как котлы уже были переделаны под мазут. Первый раз, спустившись в кочегарку, я с ужасом подумал, как я буду управлять этими огнедышащими монстрами. Жутко было смотреть на эти ревущие топки. Автоматики, конечно же, не было никакой. Лом, кувалда, факел и «мартышка»⁴² – вот и вся автоматика. И, тем не менее, человек привыкает ко всему. Я привык не бояться огненной стихии топок. С лёгкостью научился управляться с двумя, а затем и с четырьмя котлами. Но работка была ещё та... До стерильности в кочегарке было далеко, но мы после каждой вахты мыли пайола⁴³ соляжкой и вытирали сажу где могли достать. Не давали нашему старичку зарастить грязью. По молодости всё легко. И стоять у колов, на ходу, по восемь – десять часов, тоже вошло в норму. Людей не хватало, и работали с обработкой на полтора оклада. Получалось 165 рублей в месяц. Приличная сумма для молодого и неженатого парня, учитывая, что проживание и харчи на халяву. Экипаж в основном состоял из молодых ребят после «шмони»⁴⁴ и командиров предпенсионного возраста, а то и пенсионеров преклонных годов, как наш старший машинист Феофаньч. Он врос в сталь этого парохода как дуб своими корнями в землю. Несмотря на преклонные года, он ровесник парохода, сохранил ясность ума, но передвигался с трудом. Был он почти лысый, толстый и вонючий. В своей вечной робе, не стиранной по несколько месяцев, и кожаной замасленной кепке, он вылезал из каюты только на ходу. С трудом спускался в машину и садился в кресло у конторки механика в дальнем углу так, чтобы не мешать никому. В каюте он жил один. Никто не мог терпеть его запаха. Это была ужасная смесь соляжки, масла, копоты и давно немытого тела. На стоянке жил затворником в своей берлоге и очень редко сходил на берег. Работник он был, конечно, никакой. Достаточно потруился он в своей нелёгкой жизни и теперь просто доживал век в привычной обстановке. Был он вдов. Хотя были дети и внуки, была комната в коммуналке. Но держали его не из жалости, а за его феноменальные способности. Весь пароход был ему известен от килы⁴⁵ до клотика⁴⁶, как своя кепка.

⁴² специальный ключ для больших клапанов

⁴³ металлические листы настила палубы машинно-котельного отделения

⁴⁴ мореходная школа специалистов рядового плавсостава

⁴⁵ основная нижняя балка набора корпуса судна

⁴⁶ маленькая площадка на верхушке мачты

По вибрации корпуса, ломающего лёд, он определял скорость. В рёве котлов мог расслышать и определить, какую форсунку надо менять или чистить диффузор⁴⁷. Старые огромные паровые насосы разговаривали с ним одним на понятном ему языке. Через палочку он, как доктор, слушал пульс машины и определял её неисправности. Ладонью измерял температуру, бешено вращающегося коленвала и шатунных подшипников, с точностью до градуса. И хоть не окончил он мореходного училища, советоваться к нему приходил даже стармех. Даже радист однажды смог восстановить рацию благодаря совету Феофаныча. На молодых он, конечно, брюзжал. Но не зло. И всегда выдавал ценные советы. Вот такой кладёзь технической мудрости был наш Феофаныч.

Когда же он потерял способность обслуживать себя сам, его пришлось списать. Отцы командиры вызвали его родственников и устроили пышные проводы. Феофаныча помыли впервые за долгое время и одели в костюм, который, оказывается, хранился у него в рундуке. В кают-компании накрыли торжественный стол и усадили его во главе. Звучали хвалебные речи и тосты, а он плакал. Плакал потому, что знал – это были поминки по нему при жизни. Жизнь его держалась только за «родное железо»⁴⁸, на котором он отходил много лет. А комната в коммуналке – это гроб. И правда, через неделю мы собирали деньги на его похороны.

Пожалуй, единственным человеком на пароходе, которому было безразлично мнение и советы Феофаныча, был старпом Егор Силыч. Он сам всё знал. Или думал, что знал. Невысокий седенький старичок, с вечной беломориной в зубах. Застыренная форменная тужурка с погонами и кожаная фуражка с «крабом»⁴⁹, были его неперменной одеждой. Прожив бурную жизнь, и не выйдя в капитаны, он нахлебался всякого и теперь был непробиваемым пофигистом. Ничто не могло его вывести из себя. Он даже наказывал нерадивых подчинённых без всяких эмоций. Но, не смотря на кажущееся безразличие, он не был бездушным человеком. Если к нему обращались с вопросом или за советом, он всегда приходил на выручку. Мне он, например, помогал делать курсовики по навигации и коммерческой эксплуатации судна. Я тогда учился на заочном отделении судоводительского факультета, хотя имел возможность поступить без экзаменов на дневное отделение после отличного окончания «шмони». Но перспектива опять жить в казарме, ходить строем и подчиняться военным командирам меня совсем не прельщала.

Так вот, единственным, что могло пробудить в нем эмоции, это был вопрос о национальности встречного судна. Тут в его глазах зажигался огонёк, а на губах появлялась ухмылка: «А, это же греки». В другой раз брови его сурово сдвигались и сквозь зубы он цедил: «Греки это, греки». А иногда он просто махал рукой и отвечал: «Да это греки». И флаг какого бы государства ни развевался на флагштоке иностранца это непременно были «греки».

Был у нас на ледоколе Лёня Буханов по кличке «стакан». Он никогда не участвовал в общих попойках, но и никогда не отказывался от предложения выпить. Пил он всегда только один полный гранёный стакан и уходил. Числился он старшим кочегаром и как все мы, кочегары, был чумазый. Собираясь домой, он шёл в умывальник мыться. Намывал только те места рук и лица, которые не прикрывала одежда. Почему-то мыться целиком он упорно не желал. Нет, он конечно мылся иногда и целиком, но только не на пароходе. Зато исключительно аккуратно завязывал галстук на воротнике рубашки, который ломался от грязи. Галстук конечно тоже не был стерилён. Костюм он носил, по-видимому, ещё дедовский. Шляпа, плащ и портфель завершали его экипировку помоечного джентльмена. Безобидный и тихий пьяница ждал выхода на пенсию.

⁴⁷ часть форсунки для распыления топлива

⁴⁸ многие моряки так зовут свои пароходы

⁴⁹ кокарда с якорем

Молодёжная часть команды подобралась очень дружная. Небольшая разница в возрасте и свобода от семейных уз сплотила коллектив единомышленников. На свою зарплату мы позволяли себе расслабиться в субботу и полечиться в воскресенье от субботнего расслабления. Мы даже одевались примерно одинаково. Джинсы, «казаки» и шубы из искусственного меха были тогда в моде. Немного подкопив, всё это можно было купить у барыг. Зато какое впечатление производило появление десятка модно прикинутых молодых парней в ресторане «Волна». Сдвигались столики и официантки, шурша передниками, мчались выполнять заказ. Завсегдатаи привычно кивали, а редкие залётные гости настороженно косились и придерживали своих девчонок. Но народ мы были тихий и девчонок на всех хватало. Так что дрались редко, да и то чаще ради забавы или спьяну. Обитательницы ближайших общаг не отличались строгостью нравов и стекались в этот дешёвый ресторан с той же целью, что и мы. Развлечься и закрутить легкомысленный романчик с не жадными ребятами. Ломались для приличия, а особо стойкие даже отказывались идти в гости на пароход. Но в итоге уступали нехитрым ухаживаниям и принимали предложение посетить наш двухтрубный «лайнер». Командование строго запрещало проводить посторонних на территорию воинской части, но ночью темно и не поставишь же часового у каждой сломанной доски забора. Хотя особо и не следили, закрывая глаза на мелкие нарушения. Некоторым привлекательным особам даже иногда улыбалось счастье. Легкомысленное знакомство перерастало в серьёзные отношения и даже доходило до свадьбы. Вася – мой однокашник, например, так нашёл себе жену. Приличная девушка оказалась и хорошая хозяйка получилась. Мы гуляли на их свадьбе, а потом бывали у них в гостях.

Приволочь «тёлку» на пароход для себя – это одно, но бывали такие оторвы, которым пофигу было с кем. И тут в бой шли новички-девственники или самые небрезгливые трахальщики, которые могли засунуть свой член хоть в мартышку. Нет некрасивых баб, есть мало водки. А без выпивки почти ничего не обходилось. После принятия на грудь определённой дозы, падали в постель. Скажу сразу, что существовала возможность «намотать на винт». Презервативы были тогда в дефиците. Но бицилин достать было легче и морячки, в случае заражения, сами кололи себе курс. Сокращая время лечения, вбивали в себя тройную дозу за раз. Молодой организм ещё мог стойко выдержать такую атаку.

Был у нас матросом сын гордого горского народа Марат. Каким ветром сдуло его с родных гор и пригнало к далёкому морю, сказать трудно. Марат ещё плохо говорил по-русски и мало рассказывал о себе. Как известно, крутые нравы царствуют в горных кишлаках, и молодому джигиту редко удаётся познать женское тело до свадьбы. Но это дома. А здесь, вдалеке от сурового родительского ока, можно и попробовать. Вот и вышло, что в свои восемнадцать лет Марат был девственником. А тут подвернулся случай стать мужчиной.

Приволокли очередную блядь. Хорошенько подмыли и уложили в постель. Решили первым пустить Марата. Теоретически его уже подковали, и вот пришло время освоить это дело на практике. Он, немного смущаясь, зашёл в каюту, а мы уселись за стол в соседней. Не прошло и получаса, как Марат вернулся. Гордо подняв голову, он вошёл к нам и с ходу заявил: «Пять палка!». Мы ахнули. Вот это да! За полчаса бросить пять «палок»?! Горячая кавказская кровь. Тут же подняли за нового настоящего мужчину. Марат чувствовал себя героем дня и улыбался во весь рот. Следующий любитель «парного мяса» отправился в соседнюю каюту и заскрипел там кроватью. Мы же, поражённые «подвигом» Марата, расспрашивали его о том, как же это он такое сотворил? Вопреки обыкновению и под воздействием алкоголя, счастливый горец разговорился. Коряво изъясняясь по-русски, с сильным акцентом, он поведал нам, как уламывал непокорную. И как потом овладел ею. И тут всё стало ясно. «Тёлка» долго терпела его трепотню и, в конце концов, сама затащила его на себя. Он успел всунуть только пять раз.... и кончил! Кровь всё-таки горячая. Он-то по простоте душевной думал, что «палка» это значит один раз сунуть. Мы ржали как в исте-

рике. Он не врубался и смеялся вместе с нами. Вот такой прикольный случай. А Марат оказался нормальным парнем. Работал исправно, был хорошим другом. Потом влюбился без памяти в одну местную девчушку и долго за ней ухаживал. Берёг её девственность до самой свадьбы, пока ей не исполнилось 18 лет. Вопреки своим родителям женился на любимой и остался жить у моря.

Сеня, по кличке «драгоценный», утверждал что волосы у него не рыжие, а цвета червонного золота. Отсюда и погоняло. Держался он несколько особняком и посматривал на всех с высоты. Чистюля был ужасный. Мазался кремами для рук, лица и прочих других частей тела. На выход надевал строгий костюмчик. В обеденный перерыв обязательно раздевался и ложился в постель. Короче, косил под аристократа. Когда речь заходила о женских прелестях, он высокомерно заявлял, что в отличие от нас, у него женщины только из высшего общества. Была у него в башке такая фишечка. Сначала это вызывало насмешки, но потом все привыкли. Правда, баб на пароход он не приводил ни разу. Имел их где-то в другом месте. Однажды я захожу в кубрик и вижу картину: Сеня стоит без трусов у стола, направил свет настольной лампы себе ниже живота и, наклонившись, что-то там исследует. Ко мне он обернулся с лицом, приговорённого к четвертованию. Замогильным голосом произнёс только одно слово: «Мандавошки!»⁵⁰. Тут я просто выпал в осадок. Чуть не обоссался от смеха. Вот это женщины из высшего общества. Хорошо ещё не сифилис.

О СПИДе, в нашем целомудренном государстве, тогда ещё не знали.

А вот ещё история.

Водка – вещь объединяющая, невзирая на возраст и служебное положение.

Когда легендарному ледоколу «Волыньск» исполнялось 70 лет, командование военно-морской базы решило отметить это событие торжественно. Стояли мы тогда в доке. Удобно. Рядом с Домом офицеров. Приглашены были бывшие капитаны, старпомы и стармехи ледокола, ну, конечно, кого разыскать удалось. А разыскалось много, человек двадцать. В назначенный день ветераны съехались. В ДОФе⁵¹ состоялось торжественное собрание. Командование базы удостоило нас своим присутствием. Были торжественные речи, подарки ветеранам и самому ледоколу. Всё так торжественно и трогательно. А после собрания отправились на борт именинника, к праздничным столам. Экипажу было накрыто в столовой, а ветеранам и старшему комсоставу в кают-компании. Егор Палыч, наш капитан, серьёзный мужчина, произнёс поздравительную речь и передал бразды правления Бахусу. Столы торчали ёжиком от официальной выпивки, а неофициальная дожидалась в каютах, припасённая заранее. Как всегда, началось всё чинно, благородно. Тосты, здравицы, поздравления, звон бокалов, звяканье вилок и ножей. Но по мере опорожнения бутылко-тары, праздничный ужин становился всё непринуждённой и веселей. Зазвучала музыка. Начались танцы. На столы потянулась припасённая выпивка. Что говорить про молодёжь, когда ветераны в кают-компании, после бурных воспоминаний пустились в пляс. Короче, веселились от души. Когда ещё представится случай вот так официально побухать и вкусно закусить.

Но не все выдержали битву с Зелёным Змием. Кого-то разносили по каютам, а у кого-то содержимое желудка просилось наружу посмотреть на веселье. Вот и я, устояв на ногах, не удержался внутренне. Поганить палубу именинника было бы верхом неприличия и я, быстренько цепляясь за поручни, выбрался наверх. Дополз на карачках до борта, просунул голову между лееров⁵² и стал облегчать душу за борт. В промежутках между позывами я сетовал на плохое качество водки. Прокисла наверное. В сумерках справа и слева кто-

⁵⁰ вошь лобковая

⁵¹ дом офицеров

⁵² съёмное ограждение палубы из цепей или тросов

то соглашался со мной страдальческим голосом. Разглядывать, кто это – не было времени и желания. Наконец-то желудок облегчил душу, и любопытство взяло верх. Я пьяно озирался по сторонам и с удивлением обнаружил блеск адмиральских погон справа, а слева на леерах повисли рукава с золотыми капитанскими шевронами. Начальник тыла базы вице-адмирал Саблин уже освободил свой желудок и теперь, свесив мужское достоинство за борт, опорожнял мочевой пузырь. Слева же прислонился к леерам и жалобно порывивал за борт один из бывших капитанов в парадном кителе с многочисленными орденами и медалями.

– Эй, сынок! – сказал мне адмирал, застёгивая ширинку, – помоги-ка мне отнести вниз этого орденосца.

Старичок перестал блевать и позволил взять себя под руки. Аккуратно мы доставили его в кают-компанию и постарались пристроить на диване между мирно дремавшими гостями. Но не получилось, места не хватило. Тогда наш капитан предложил отнести пенсионера в его каюту, благо она находилась рядом. Адмирал уселся за стол, а я потащил тело с орденами в капитанскую спальню. Кровать у капитана была широкая, и поперёк неё уже лежало три тела. На палубе из-под одеяла выглядывало ещё две пары ног. Неудобно было бросать заслуженного ветерана на палубу, и я втиснул его четвёртым на кровать. Потом мы дёрнули по соточке с адмиралом, и я отправился в столовую догуливать со своими ребятами.

На утро хмурые и больные ветераны покидали гостеприимный борт ледокола, а мы потянулись в пивняк.

Ледокол на съёмках фильма «Красная палатка»

Штурманец

Первую штурманскую должность я получил ещё не имея диплома судоводителя. В той полусерьёзной организации разрешалось курсантам последнего курса занимать командную должность. С ледокола «Волыньск» меня перевели на МБ-195 третьим помощником капитана. Морской буксир, старая паровая посудина, стоял рядом и нещадно дымил. Мне, как опытному кочегару, было это неприятно. Ведь вопреки мнению «сапогов»⁵³ и «пиджаков»⁵⁴, пароход дымить не должен. В идеале, дыма вообще быть не должно, но для этого необходимо тщательно отрегулировать процесс сгорания топлива. Червяк сомнения шевельнулся во мне ещё до того, как я ступил на грязный трап буксира. Затоптанная до черноты деревянная палуба и бардак внутри, ещё больше усилили мои подозрения. Куда это меня засунули?

По прибытии на борт полагается представиться начальству, и я поднялся в каюту капитана. В каюте капитана царил хаос и «срач». Я поздоровался и представился. Невзрачный мужичок в фуражке с капитанским крабом встретил меня радушно, мимолётно взглянув в мою сторону, предложил сесть на диван у столика. Початая бутылка дешёвого белого вермута возвышалась над единственным стаканом и пепельницей, в которую как жирные опарыши были набиты окурки сигарет без фильтра. Похоже, закуска у него была не в чести. Я не являюсь ярым приверженцем армейской дисциплины и строгой субординации, но меня несколько смутило предложение хряпнуть за знакомство. Я вежливо отказался и попросился вниз, обустраиваться. Он не возражал. Когда я спустился в каюту третьего помощника, то увидел что и ожидал. Развал и грязь. В каюте дано никто не жил и там валялся всякий судовой хлам. Я невольно вспомнил ремонт в своей первой каюте на БМРТ и понял, что Судьба уготовила мне роль ассенизатора. И ещё не раз мне приходилось разгребать чужое дерьмо. По жизни мне везло, и каждая новая должность приносила мне хоть какие-то выгоды и имущества. А вот дела мне чаще приходилось принимать в ужасном состоянии.

На МБ-195 дел я вообще не принимал. Не у кого было. Капитаном был прикомандированный с другого буксира Леонид Макарович. Его буксир был в ремонте. Старпома вообще не было. Штатный капитан и второй помощник лежали в больнице. А третий помощник сбежал ещё полгода назад. На палубе имелось два матроса. Хромоногий доходяга Валёк и молодой пацан со «шмони» Игорёк. Машинная команда укомплектована была более чем наполовину, поэтому буксир всё-таки ходил и выполнял задания командования. С командой познакомился на обеде. Все обедали в столовой команды. Кают-компания не использовалась для приёма пищи в виду малочисленности командного состава. Да и кому там было накрывать? Повариха была одна – вечно злая и крикливая пожилая тётка. И так, карьерная лестница на капитанский мостик начиналась с угрюмых взглядов промасленных машинёров, прокопченных кочегаров, похмельных матросов и грязного стакана портвейна.

Ну что ж, где наша не пропадала. Начал я наводить порядок в своей епархии как умел и как понимал. Леонид Макарович не бросил меня на произвол судьбы и помогал понемногу. По мере сил вводил он меня в курс помощницкой работы. Помогал, но не скрывал, что ему наплевать на этот буксир, и как только выйдет из больницы штатный капитан, с радостью вернётся на свой. А вообще-то оказался он добродушным дядечкой, одиноким алкоголиком.

Судовождением тут и не пахло. Я просто лопатил горы бумажек. Бегал по кабинам начальства, собирал подписи и умолял поставить печати. Сотни наименований судового имущества числились за пароходом, но в наличии имелась только жалкая часть того, что должно. Где оно, никто не знал. Например, из штурманских инструментов я нашёл

⁵³ сухопутные военнослужащие

⁵⁴ весь остальной неморской народ

на мостике только сломанный карандаш и циркуль без иглы. Из регулярной документации велись только судовой и машинный журналы, да и то не каждый день. Совершенно неожиданно нашёлся секстант⁵⁵. Тонкий навигационный инструмент покоился в гнилом ящике под кроватью в каюте третьего механика рядом с кучей запчастей и ветоши. В нерабочее время отдраивал каюту. Жить хотелось с удобством и в уюте, опыт уже был. Эта работа двигалась быстро, с энтузиазмом. Ещё бы, первая индивидуальная каюта. В общих кубарях я уже нажился – хватит!

Буксир, худо-бедно выполнял задания, и командование закрывало глаза на судовой бардак. Через месяц явился штатный капитан и с Леонидом Макаровичем мы расстались. Расстались по-дружески и потом здоровались при встречах как старые знакомые.

Новый, а вернее старый капитан, оказался молодым, высоким, и недурной наружности. Всегда в аккуратной капитанской форме. Он быстро сделал карьеру после училища и рано стал капитаном. Управлять буксиром он научился виртуозно, а вот править людьми не умел совсем. Солидности в нём не было, и серьёзно его почти никто не воспринимал. Потому многие звали его просто Лёха. Алексей Николаевич, конечно, понимал, что это непорядок и хотел бы иметь к себе серьёзное отношение, но не мог этого добиться. Всей внутренней жизнью правил дед⁵⁶. Кликуху Клюв дали ему за соответствующую форму носа. Он был старожилом на паровичке и считал себя безраздельным хозяином. Бывало, прибежал на мостик и начинал указывать капитану, как управлять буксиром. Вот он-то и олицетворял собой судовую власть. Пытался он командовать и мной. Уважая его седины, я вежливо отмалчивался, но делал по-своему или то, что просил капитан. Но лучше такая власть, чем безвластие совсем. На судне нет места анархии. Единоначалие – есть основа флотского порядка. И там, где власть не взял в свои руки капитан, её подберёт кто-то другой. Иначе кранты! Иначе, самый полный стоп!

Второй помощник Жора вышел с больничного ещё через месяц. От его белозубой улыбки стало светлей на прокопченном буксире. Красавец мужчина. Не дурак выпить и большой специалист по женскому полу. «Тёлки» «поливали коленки кипятком» когда он начинал «тереть им уши». Талантище был!... Великий дар – доставлять счастье женщинам даровала ему сама Природа. Есть такие самородки. Жениться таким людям противопоказано. Молодая жена, потеряв голову перед свадьбой, теперь жестоко страдала от ревности. К тому же он был весьма легкомысленным человеком и при всём этом являлся душой компании. Мы были ровесники и быстро подружились. Нередко засиживались после работы за дружеской беседой под звон бокалов. Подняв тонус, Жорик бежал на проходную звонить подругам. Какая-нибудь непременно оказывалась свободной и спешила на зов. Пока Жора исполнял танец страсти в постели с подругой, я вынужден был вставать на вахту. Ведь жена его могла появиться в любой момент. Что и случалось неоднократно.

Примерно через полгода нам, наконец-то, назначили старшего помощника капитана. Он-то и стал лидером нашего экипажа.

Александр Евграфович Гренадёр вполне соответствовал своей фамилии. Старше нас с Жорой всего на два года, выглядел он намного внушительней. Сажень в плечах, роста под подолок⁵⁷, гора каменных мышц и кулаки с пивную кружку. Перечить такому богатырю как-то не находилось желающих. Даже наш тысячетонный буксир, наверное, вздрогнул, когда он ступил на его палубу. Своим свирепым видом он быстро ставил на место нерадивых подчинённых, да и начальство относилось к нему деликатнее, чем к другим. Но прекрасное чувство юмора и феноменальная память на всякие байки, анекдоты и шуточки, делало его

⁵⁵ навигационный угломерный оптический инструмент

⁵⁶ старший механик

⁵⁷ потолок

незаменимым в застольной беседе. Даже Жорик, трепло и балагур, слушал его раскрыв рот. «Залить за воротник» он тоже любил. Пил как верблюд – много и долго. Он с лёгкостью перепивал нас всех. Но потом тяжело выходил из похмелья. Жену свою любил безумно и, насколько мне известно, не изменял ей. Но «Зелёный Змей» не позволял ему радовать жену слишком часто. В душе он оказался мягким котёнком, весьма нетребовательным к себе. Это его и сгубило в конечном итоге. А пока три штурмана составили костяк нового дружного экипажа.

Постепенно мы подтянули к себе радиста и третьего механика. Капитан не пил с нами водку, но и не возражал против наших вечерних застолий. Старую повариху Зюзю удалось поменять на Шурика. Парень оказался толковый и готовил с желанием. С ним у нас на столе появилась изысканная закуска. Из тех немудрёных продуктов, что выдавали нам военные склады, Шурик умудрялся выделять чудеса кулинарной науки.

Наш старпом, имея уже некоторый опыт командования, решил, что наша нынешняя команда не совсем то, чего хотелось бы. Нужен спаянный коллектив единомышленников. Постепенно стали подбирать команду. Переманивали с других судов толковых матросов и кочегаров. Сначала заполнили прорехи в штатном расписании, а потом стали заменять тех, кто не вписался в коллектив. Некоторые уходили сами, почувствовав себя не на месте. Капитан Лёха тоже понял, что истинным лидером стал Гренадёр и ему пора искать другое место работы. Он ушёл с буксира тихо. После него были ещё два капитана, но ни один из них не задержался и погоды не делал. Буксир успешно выполнял все задания. Ходили много. Обеспечивали учения военных, возили по островам снабжение. Заводили в гавань и выводили большие военные корабли, дежурили в спасательном отряде. Не всё, конечно, было так радужно, как может показаться. Были и сбои. Но «крыс»⁵⁸ ловили, а распиздяев просто выгоняли. Главное, что на работу люди ходили с удовольствием. И если приходилось работать сверх нормы, никто не жаловался и не сачковал. В редкие дни перестоев на ППО⁵⁹ или ППР⁶⁰ устраивались грандиозные попойки. Гонцы неслись в магазин и затаривали бутылками сумки. Повара готовили шикарные закуски, и буксир становился на уши. Бухали дружно и неспеша. Убирали трап с причала, дабы не могли войти посторонние или, не дай бог, проверяющий из штаба дивизиона. Бренчали гитары, надрывался магнитофон, повизгивали разгорячённые девчонки.

Я уже к тому времени был женат и семейный бюджет не мог выдержать походы в ресторан с друзьями. Да и не очень-то хотелось. У нас на буксире было веселей. Единственный, кто резко отрицательно относился к происходящему, был Клюв. Власть утекала из его рук как вода. Но стармех он был хороший и с серьёзностью относился к своей работе.

Машина сбоев не давала, а кочегары перестали травить гавань жирным мазутным дымом. Стоит ли говорить, что и внешне буксир стал другим. Отмыли, покрасили, надраили медяшки. Даже затоптанная до черноты деревянная палуба сияла белизной, надраиваемая боцманской командой дважды в неделю. Дивизионное командование, наверняка было в курсе наших шумных вечеринок, но буксир вышел в передовые, чего никогда не было, и делало вид, что не замечает. Кроме того, было решено назначить капитаном Гренадёра. К тому времени он уже сдал на капитанский диплом.

Меня подняли в старпомы, а на место третьего взяли молодого выпускника мореходки. Жора остался вторым, и его это полностью устраивало. Ему не нужны были заморочки собачьей должности⁶¹. Моё же старпомство пошло на удивление легко. Порядок, который завёл

⁵⁸ вор

⁵⁹ *планово-профилактический осмотр*

⁶⁰ *планово-предупредительный ремонт*

⁶¹ *должность старшего помощника капитана*

Гренадёр, сломать было трудно, а мне он нравился. Я просто ничего не стал менять. Ещё два года я работал на этом замечательном пароходике бок о бок с Гренадёром. Именно с ним я подружился ближе всех и с симпатией вспоминаю его до сих пор. Мы навсегда остались друзьями, хоть жизнь и раскидала нас далеко друг от друга. А пока было по-разному. Работалось как-то легко, но бывали и тяжёлые ситуации.

Однажды чуть не утопили плавкран. Не успели проскочить перед штормом и попали в болтанку. Буксир-то с хорошей мореходностью. Новички поблевали, да и всё. А вот плавкран, с его высоченной стрелой, достаточной остойчивостью не обладал. Гренадёру с трудом удалось довести этот плавкран до гавани.

Случилось это сразу после назначения его капитаном. На этом переходе он и показал себя, отобрав оставшуюся власть у Клюва. Стармех, как всегда, влетел на мостик и потребовал изменить курс к ближайшей гавани для укрытия от шторма. Капитан невозмутимо попытался ему объяснить, что пройдя по волне, избежим опасного крена плавкрана. Этот путь намного длиннее намеченного, но на пути были острова, за которыми можно повернуть и идти в относительном затишье. Да, жгли топливо больше и к утру, всяко, не поспевали. Но тащить кран лагом к волне, до ближайшей гавани, было опасно. Где гарантия, что кран выдержит эти несколько часов. Дед, не стесняясь в выражениях, доказывал своё. Мол, он старый опытный моряк, а мы все, пацаны безмозглые. Не уважаем мнение ветерана. Видно было, что капитан и так на нервах. Ещё бы, метеослужба базы «обделалась» по полной. То дают штормовое предупреждение, чуть задует ветерок, а тут «промухали» шторм. Стармех доставал всё больше. Гренадёр терпел долго, но всё-таки внутренне взорвался. С выражением лица безжалостного убийцы, он тихо, сквозь зубы, процедил: «Уйди дед. Пошёл на х... в свою машину. Клюв не ответил. С окаменевшим от злобы лицом, повернулся и спустился в машину. И уже там он «оторвался» на машинистах и кочегарах. Такой злости и такого мата никто из машинной команды от него никогда не слышал. Дед, конечно, был не глупый человек и отлично понял, что на буксире появился хозяин, а ему указали на место. Но тщеславие было ущемлено больно, да ещё на виду молодых. Всё. Кровная обида. И месть должна быть неотвратимой. Оставалось только выждать время. Потеряв двое суток, мы припёрли к стенке злосчастный плавкран, заблёванный его командой. Капитан, вместо благодарности, получил нагоняй от комдива за несоблюдение сроков буксировки.

Как только буксир коснулся кормовым кранцем⁶² стенки, в магазин были посланы лучшие гонцы Лёлик и Макс. Необходимо было снять стресс и отпраздновать благополучное окончание опасного мероприятия. Снятие стресса затянулось до утра. С устатку попадали все кроме Гренадёра. И когда у него не осталось собеседника, он поднял с постели первого «отъехавшего». Когда упал этот, был поднят второй и так далее. До утра он успел напоить по второму разу почти всех. Когда было выпито всё, купленное в магазине, механики и радист, «выкатали» шило⁶³ из тайных запасов. А когда выхлебали и его, пришла очередь компасов⁶⁴. Сначала в кастрюлю вытек главный компас с верхнего мостика, а потом, под горестные стенания третьего помощника, настала очередь осушить и путевой компас из рубки. Если главный компас выпивали не раз, то путевой считался неприкосновенным. По нему ходили. Но когда «трубы горят», а денег нет, летят к чёрту все «табу». Утро было ужасным. Слава богу, комдив сжалился и назначил буксиру внеочередной ППО. Иначе, выйти из гавани было бы затруднительно. Капитан приказал «лечить» команду. Я занялся поиском скрытых ресурсов. Кое-как наскребли денег и двое самых стойких были откомандированы за пивом. Через некоторое время, два эмалированных ведра с пивом стояли

⁶² переносные или стационарные средства защиты корпуса от повреждений

⁶³ спирт этиловый ректификат

⁶⁴ большинство типов навигационных компасов заливают 43-х % раствором спирта

в столовой команды. И все жаждущие потянулись к источнику блаженства. По мере того, как кружки опускались в ведра, настроение улучшалось. К обеду все бодро балагурили и готовились проглотить пайку. Жора, хоть и повеселел, всё же сокрушался, что жена ему не поверит. Скажет, шляется по блядам. Прийти-то мы должны были двое суток назад. Н а это я ему ответил: «Наверняка уже обзвонила и диспетчера и дежурного базы и нашим штабным. Она же выучила наизусть все телефоны».

– Нет, мужики, вы должны меня «отмазать». К тому же в холодильнике прокисает, недопитый с праздников, коньяк.

Выручить друга – святое дело! Извлекли парадную форму. Отгладили брюки и белые рубашки. Ботинки, само собой, до зеркального блеска. И втроём, с капитаном, отправились на берег. Жориковой жены дома не оказалось. На работе. Время ожидания скрасили, извлечённым из холодильника, коньяком. Алла – жена Жорика, не появилась пока, а коньяк кончился быстро. Гостеприимный хозяин дома извлёк из семейной заначки несколько червонцев и мы быстренько сгоняли в магазин. Восполнили потерю холодильником коньяка, а себе взяли портвешка. К приходу Аллы, мы с Жорой были уже «в дровах», то есть, как брёвна брошены капитаном на диван и спали сном праведников. Уж не знаю, какими словами Гренадёр «отмазывал» от наказания Жорика, но Алла не стала, по обыкновению, лупить пьяного мужа метёлкой. Когда я очнулся, то услышал с кухни зазывный звон рюмочек и оживлённую беседу. Увиденное, меня несколько удивило. За накрытым столом восседал капитан и две жены – Алла и его Соня. Меня встретили дружескими шуточками. Жору будить не стали. «Отмазка» состоялась. Мужья были с жёнами, а то, что пьяные и без денег, это привычные мелкие недоразумения. Мы ещё приняли на дорожку, и я, с чувством глубокого удовлетворения от удачной «отмазки», отправился провожать капитана и его жену. Коньяк, выпитый «на старые дрожжи», сделал своё чёрное дело. «Срубило» меня на полпути. Капитан предложил оставить меня ночевать у них. Но Соня не согласилась и сказала: «Нет уж! Волоки его на свой буксир и сразу же назад». О, глупая женщина! Она сама накликала беду. Гренадёр охотно согласился с любимой женой. И влекомый подобно мешку с опилками, я мерно покачивался у него под мышкой. Удивительно, что сознание меня не покинуло, и я помнил всё до конца. Редкие прохожие косились на морского великана, несущего под мышкой что-то одетое в такую же морскую форму. Но наплевать на них. Кому какое дело. А вот наряд милиции не был так равнодушен. Кто такие? Откуда, куда и почему? Обнаружив, что по мне скучает койка вырезвителя, они попытались меня забрать. Но не на того напоролись. Гренадёр вежливо, но настойчиво не пожелал оставить друга на растерзание серым хищникам. Он совершенно трезво и аргументировано доказал служителям закона, что койка вырезвителя не для меня. Вот это был гениальный «отмаз». Отвязаться от ментов обычно удавалось деньгами, но если в карманах ветер, дело дохлое. А тут, бесплатно, удалось вырвать добычу из мёртвой хватки хищников. Благополучно водрузив меня на коечку в моей каюте, капитан решил домой не возвращаться. Утром я поблагодарил его за «отмазку» от ментов. И тут выяснилось, что последним воспоминанием того дня было перетаскивание нас с Жоркой на диван. Оказывается разговор с жёнами и ментами его тело вело самостоятельно, отдельно от сознания.

За три года всякое бывало. Нигде после я не работал с таким желанием как на МБ – 195.

Начало Перестройки, вселявшее в народ радужные надежды, принесло инфляцию и неплатежи зарплаты. Эти невиданные в «совке» явления, заставили меня покинуть уютный борт буксира. Нужно было кормить семью. Я отправился в плавание по беспредельным просторам дикого капитализма. Может, просто так совпало, но с моим уходом, развалился дружный и спаянный экипаж МБ – 195. Нет, конечно, пить продолжали, может даже больше, но не в дружеских застольях, весело и непринуждённо, а тупо заливая свои бытовые проблемы по каютам. Стармех Клов жаждал мести и власти. И дождался.

В очередном ППР, Гренадёр основательно запил. Из каюты не показывался несколько дней. И только гонцы шныряли с сумками, в которых знакомо брякало зелёное стекло. Дед выждал момент, когда капитан насосался до беспамятства и вызвал на борт начальника штаба с дивизионным доктором. Каюту вскрыли и составили протокол. Медицинское освидетельствование показало крайнюю степень опьянения. Выгнали нашего Гренадёра с треском, невзирая на все прежние заслуги. Он долго потом мыкался по разным судам, но так и не нашёл себе достойного применения. «Зелёный Змей» сначала помог создать дружный работающий экипаж, а потом загубил карьеру человека, который являлся душой и лидером этого экипажа.

«Чёрный Принц»

Огромная империя трещала по швам. Партийные старцы, восседавшие на высоких трибунах съездов, возжелали стать удельными князьями и готовились урвать кусок пожирнее.

Кооперативное движение набирало обороты. В стране, где не было никакой частной собственности и запрещалось частное предпринимательство, оказалась масса предприимчивых и умных людей. Своими руками и умом они желали создать материальный рай себе и своим близким. И пока Рэкет ходил в детских штанишках, кооперативы росли как грибы. Появились даже частные судовладельцы.

Кооператив «Морская капуста» перебрался в город на Неве с берегов Белого моря, после того, как у них отобрали лицензию на добычу ламинарии⁶⁵. Три брата на старом мартыгане⁶⁶ сколотили небольшое состояние, варварски обдирая дно Белого моря.

По знакомству мне сообщили адрес кооператива. Внутри обшарпанной трёхэтажки, кооператив занимал две комнаты и коридор. На входной двери таблички не было. Но внутри коридора, бросалась в глаза солидная табличка на одной из дверей. «Председатель кооператива „Морская Капуста“ Сальников Александр Александрович (Первый частный судовладелец в Советском Союзе)». На другой двери скромно значилось: «Отдел кадров». Председатель сам беседовал со всеми, кто намеревался работать на него. На фоне огромной карты мирового океана, занимавшей всю стену напротив входа, стоял здоровенный резной стол, покрытый зелёным сукном. В углу внушительный сейф с двуглавым орлом. Кожаная фуражка с капитанским крабом висела на вешалке. А за столом, в высоком кресле, восседал человек. Невзрачный человек. Маленький человек был облачён в китель моряка торгового флота. Рукава блестели шевронами капитана морского торгового порта, а грудь украшали знак капитана дальнего плавания и два значка высшего образования, морской и гуманитарный. Понятно, что несолидную внешность спрятали за внушительными декорациями. И в самом деле, поначалу это произвело на меня впечатление. Беседа велась доверительно, но серьёзно. Сочувствие к тяжкому положению безработных моряков, перспективы развития частного мореплавания, дисциплина на производстве, радужные перспективы приличных заработков, заставило меня проникнуться доверием. Мне предложили должность боцмана на рыболовном сейнере. В контракте значилось, что 40% прибыли идёт на зарплату экипажу. О! Это же здорово! Не задумываясь, я черкнул подпись под контрактом.

Через два дня я вступил на палубу «Чёрного Принца». Немногим ранее меня, на борт поднялись ещё пять человек. И теперь, вшестером, нам предстояло превратить триста тонн металлолома в судно, годное к морскому плаванию. Жить пришлось в скотских условиях. Без света, воды и постели. Желание поскорей заработать обещанные 40% подстёгивало, и вкалывали мы от зари до зари. Вопреки обещаниям, кооператив выделял скудные средства на восстановление сейнера, а экипаж вообще, похоже, решили заморить голодом. Денег едва хватало на хлеб, чай и курево. Надо сказать, что в бывшей прибалтийской республике, уже возмнившей себя независимым государством, пробить ремонт, было весьма проблематично. Без конверта с зелёными американскими рублями, местные начальники напрочь забывали русский язык. Добывать всё приходилось личным обаянием и смекалкой, общаясь с местным населением. Так копильный цех рыбозавода, периодически разнообразил наш рацион. Заводская столовая, изредка снабжала нас горячим питанием. Везде найдутся сердобольные дамы, тоскующие по мужской ласке.

⁶⁵ морская капуста

⁶⁶ малый рыболовный траулер МРТ

В редкие выходные, мы, при полном параде отправлялись в «комиссионку»⁶⁷. Множество женщин до и после тридцати, представляли благодатную почву для удовлетворения наших нехитрых меркантильных потребностей (секс прилагался в нагрузку).

Три месяца шесть энтузиастов, почти даром, восстанавливали по винтикам машину, латали корпус, правдами и неправдами добывали судовое снабжение. Постепенно наш РС⁶⁸ воскресал из кучи ржавого железа. До идеального состояния его довести было не возможно, но Морской Регистр, принял судно и выдал документы на право плавания. Сразу же поступило несколько предложений на работу для нашего сейнера. От председателя, на все предложения пришёл отказ и приказание срочно следовать в Питер, где нас, яко бы, ждала не мерянная пахота. На переход к нам был зачислен радист. Человек уникальный. Таких я никогда ещё не встречал. С виду, совершенно обычный мужчина, совершенно не выдающейся внешности, в скромном коричневом костюме. Но Палыч мог моментально влезать в доверие к людям. Он становился другом любому, с кем пообщался хотя бы час-другой. Мужики предлагали халявную выпивку и закурить, а женщины, через пять минут, звали в гости. Но как это у него получалось, не рассказывал, а возможно, и сам не знал. Он загадочным образом привлекал к себе людей. За несколько дней до отхода, с его помощью, мы удачно затарились продуктами, раздобыли по два комплекта чистого постельного белья и мешок стирального порошка. Приличная посуда и даже большой холодильник были списаны в заводской столовой, как не годные к употреблению. Естественно, мы тоже поддались его обаянию. Даже оформлять отход судна, в портнадзор, капитан пошёл с ним, а не со старпомом.

Наконец-то мы вырвались на морской простор. Весело нёс нас «Чёрный Принц», перепрыгивая с волны на волну. Радовался второй жизни, подаренной ему нами. По пути, радиogramмой, завернули нас в один небольшой городок, затерянный в шхерах не далеко от финской границы. Что мы там забыли? Не понятно. Но приказ есть приказ. Маленькая гавань восприняла наше прибытие, как должное. Не было торжественной встречи, не звучали фанфары, и девушки в пёстрых платьях не посылали воздушные поцелуи с причала. Бывал я здесь неоднократно. Сюда заходили зимой на ледоколе. Отсюда тащили злосчастный плавкран на буксире. Вообще-то мирный тихий городок. Можно было гулять до утра, пить водку в скверике, снимать тёлочку в единственном ресторане, а в пивняке просто все были друзьями. Но единственным местом, куда не стоило ступать чужаку, была старая кирха. Таинственным образом, все чужаки, входившие под её мрачные своды, получали телесные повреждения различной степени тяжести. В кирхе помещался клуб с танцами. Местные молодцы просто били всех посторонних, отважившихся проникнуть на эту запретную территорию. Почему именно там? Никто объяснить не мог. Традиция такая. Я, конечно, предупредил своих, и мы обходили стороной эту местную аномалию. Работой для нас, здесь и не пахло. На запрос капитана, кооператив ответил: «Ждите», и снова забыл про нас.

Мы по очереди ездили домой на побывку. Но те, кто оставался, тоже не скучали. В городке, как всегда, нашлось несколько особ женского пола, пожелавших принять нас под своё тёплое крылышко. Жили сытно и спали сладко. Но без зарплаты. Нет работы – нет денег.

О, бедная моя жена! Как она, наверное, проклинала тогда нищенское существование и своего бестолкового мужа: «Шляется где-то, а в доме ни копейки!». Прости, родная, я старался как мог.

Через два месяца о нас наконец-то вспомнили. Идти в Москву, там принять другое судно и возвратиться на нём обратно. Нашего «Чёрного Принца» арендовал Московский университет под экологическую экспедицию по Волге. Реками, каналами и озёрами добра-

⁶⁷ клуб знакомств для тех кому за...

⁶⁸ рыболовный сейнер

лись до столицы. Не всё прошло гладко, но это мелкие неприятности, не заслуживающие внимания. Просто моряку тесно в речке, в отличие от речников, которых пугают морские просторы. Это как лётчику неуютно в шахте, так и нам мешали берега.

По прибытии в Москву, руководство экологической экспедицией, предложило экипажу остаться на определённых условиях. У капитана не было речного диплома, и он отказался, а у старпома был, и его назначили капитаном. Ушли так же радист и матрос. Жаль было расставаться. Срослись. Приехал новый старпом и матрос. Загрузили на борт снабжение, провизию, группу учёных с оборудованием. Ещё с нами пошли шестеро художников и корреспондент «Комсомольской Правды», что бы освещать ход экспедиции. Под вспышки фотоаппаратов и объективами телекамер отвалили от причала. Весёлая получилась прогулка. Учёные исследовали, корреспондент отправлял в редакцию депеши с каждой стоянки, а художники писали красоты российской провинции. А посмотреть была на что.

Что ни говори, а при всей своей дикости и безалаберности, страна наша красивая. И народ хороший. Трогательные малые городки со старинными церквушками на пригорках. Старые монастыри, как в сказке, выплывающие из утреннего тумана. Природные ландшафты, вообще выше всяких похвал. А люди? Люди какие добрые! Немного провинциальной наивности, но всегда готовы прийти на выручку. Женщин такой красоты и обаяния, я не встречал нигде в мире. Патриархальная Россия живёт своей особой неспешной жизнью, какие бы цари не правили этим государством. И вот на этом прекрасном фоне, махровым цветом, расцвела беспредельщина, безработица, проституция и беспробудное пьянство. Безрадостные перспективы будущего, народ заливают алкоголем.

Кстати, водка тогда была дороже денег. Самая стабильная народная валюта. Водкой можно было расплатиться практически за всё. Но добыть её было нелегко. По этому на «Чёрный Принц» было загружено несколько десятков ящиков хорошей столичной водки. В процессе экспедиции необходимо было заправлять РС топливом, маслом и питьевой водой. А за деньги никто не продавал частникам. Вот водочка нас и выручала. И от того как сторгуешься с продавцом, зависело количество, сэкономленной, для себя драгоценной жидкости. Чем дальше от больших городов, тем больше экономия и тем веселей бывали стоянки. На ночь часто вставали на якорь в каком-нибудь закутке и дружно истребляли сэкономленную огненную воду. Экологи держались несколько особняком, но иногда принимали участие в общем веселье. Зато художники оказались своими «в доску». Не отставал от народа и корреспондент. Расползались по кубрикам далеко за полночь.

Когда кончалась халявная водка, приходилось ходить в народ. Так, в Ярославле, случился забавный случай. Огромные очереди у вино-водочных магазинов стали символом тех лет. Толкались в этих очередях отнюдь не одни только алкаши. Вполне приличные и скромные люди вынуждены были вливаться в это безобразие, дабы обрести малую толику стабильности. Ибо водка инфляции не боялась. Самый стабильный эквивалент услуг и товаров. А в нашей бухающей стране, это особо актуально.

Так вот у одного такого магазина монотонно гудела и пульсировала не просто очередь, а плотная живая масса. Просто дойти до прилавка по очереди не представлялось возможным. Водка могла кончиться в любой момент. Но моряки отступать не привыкли. Возвратиться на борт без водки – это значило запятнать себя несмываемым позором. Принимается простое, но рискованное решение. Будем забрасывать «десант». Матрос Паша отличался особой пронырливостью, его-то и предстояло десантировать. Он снял туфли, вынул из карманов и снял с себя всё ценное. Оставил нам куртку и с сумкой наперевес был водружён нами на плечи. С разбегу мы закинули его прямо на головы толпе. Плотность населения на этом пятачке была такова, что Паша пополз по головам как по болотным кочкам. Народу сия наглость пришлась не по нраву. Слышался бешеный мат и Пашке иногда доставались тумачи снизу. Но, несмотря на протесты, он героически пробивался к заветной кассе. Мы

тоже не стояли без дела, а проводили идеологическую поддержку: «Мужики, пустите парнишку! Морячок из Питера, опаздывает на пароход. Жалко парня, мужики!». На нас, горлавивших эти лозунги, многие молча и недобро косились, некоторые откровенно посылали на х..., но находились и добрые души. Сочувственными возгласами они провожали нашего «десантника».

– Хрен с ним, пустите парня. Он же всю водку не скупит. Ползи питерский, попробуй нашей водочки!

То, что морячок был именно питерский, играло немаловажную роль. Питер в нашей стране уважают, в отличие от столицы.

Десантная операция увенчалась успехом с минимальными потерями. Оторван карман и несколько пуговиц. Паша выбрался из толпы помятый, но счастливый, прижимая к груди драгоценную сумку с пузырями. Уж он-то сегодня «оторвется» по полной программе. Заслужил. Этот десантная операция проводилась не единожды и в разных городах, с небольшими вариациями и разной степенью потерь.

Не экспедиция, а увеселительная прогулка. Тем не менее, программа исследований была выполнена полностью. Художники собрали богатый материал для своей выставки, а корреспондент накопал несколько очерков и приличную статью для своей газеты. Все были довольны результатами экспедиции, но расставаться было грустно. Кода выгружали багаж и оборудование, я от себя добавил ещё одну коробку. По доброй традиции, уходящему с борта судна, подсовывают в чемодан какой-нибудь судовой хлам. Вот я и насобирав всякого хламья, от чистого сердца и на добрую память. Дома посмеются и не обидятся на шутку.

Университет выполнил свои финансовые обязательства перед нами полностью и даже добавил премию. Теперь предстояло налегке добраться домой и получить свои 40% по контракту. По приходу, отправились к Председателю, и после беседы с ним я вспомнил слова нашего бывшего радиста: «Я поражаюсь гениальности его ума. Меня восхищает этот талантливый человек. Но если встречу его где-нибудь в тёмном месте без свидетелей, обязательно вышибу мозги этому подонку, за все его подлости!». Естественно слова эти относились к председателю кооператива «Морская капуста». Этот невзрачный человек оказался талантливым мошенником. К тому же он нанял не менее талантливого юриста, который «отмазывал» его от многочисленных судебных исков. Иски подавали практически все, кто с ним имел дело. И, насколько я знаю, никому не удалось выиграть процесс. Почему его не «грохнули» за «кидалово», остаётся загадкой. Видно «крыша» у него была «круче». Скандалить и качать права было бесполезно. Между кооперативом и Университетом был составлен хитрый договор. Мы вроде как уже и не работали в кооперативе, а были откомандированы в распоряжение руководства экспедиции, а по сему, прежний контракт утрачивал силу. Улыбнулись нам наши 40%!!! Юристы отлично отработывали свои гонорары, и подкопаться было не к чему.

На борту «Чёрного Принца» долго шли дебаты по поводу способов мести. «Увольняться!» – решили все единогласно. Но и «бабки отбить» необходимо. И началась тихая партизанская месть. Исправно ходили на работу и... методично продавали с судна всё, что добывали сами ещё на ремонте и после. Сколько трудов и нервов было потрачено чтобы укомплектовать судно! А теперь всё шло с молотка. Примерно через месяц после возвращения из экспедиции, экипаж «Чёрного Принца» в полном составе вышел из отдела кадров с трудовыми книжками на руках. Свои 40% мы всё-таки заработали. Сальников, конечно, узнал о продаже судового имущества и начал страдать судом за расхищение частной собственности. Но даже его юрист признал, что дело дохлое. Ни одного документа на покупку кооперативом для РС «Чёрный Принц» судового имущества, не существовало. Имелась только купчая на триста тонн металлолома! Это, пожалуй, был единственный случай, когда моряки получили от Сальникова то, что должны были получить. Конечно же, был риск, что Председатель прибегнет к силовому методу возврата потерь, но речь шла о столь малой

сумме, что её хватило бы только на оплату бандитских «услуг». И то ещё не факт, что бандюки возьмутся за эту работу. Ведь, «по понятиям», мы были правы.

Мы сидели на набережной, напротив, уже чужого, сейнера. Грустно разлили и выпили, не чокаясь, как за покойника. А умиравший во второй раз «Чёрный Принц», мрачно смотрел на нас тёмными иллюминаторами пустых кубриков.

«Чёрный принц» на якоре

Кем я был?

Как сказал великий Конфуций: «Не дай бог нам жить в эпоху перемен!».

Так вот наш бог дал мне эту возможность. Революции и перевороты не приносят простому народу ничего кроме неприятностей. Одни рвут друг другу глотки за место в правительстве, другие растаскивают советское экономическое наследие, третьи делят сферы влияния и собирают дань. Кооперативное движение, олицетворявшее начало экономического процветания новой России, благополучно загнулось под напором набирающего силу рэкета, возвращённого алчными чиновниками и партийной номенклатурой. На беспредельной территории правил полный беспредел. Перестрелки на «стрелках» уже стали обыденными, проституция и порнуха вышли из подполья, наркотики продавались как пирожки на улице. Предприятия банкротились, закрывались и шли с молотка. Безработица расцвела пышным цветом. Флот потихоньку разворовывали и толпы моряков рыскали в поисках новой работы. Одним из них оказался и я. Биржа труда, куда я приходил отмечаться каждую неделю, не предлагала мне ничего подходящего, а мизерное пособие обещалось только через три-четыре месяца. Нужно было чем-то питаться. Дети росли. Жена сидела со вторым ребёнком.

Самое простое решение пришло само. На старенькой иномарке я «бомбил» по ночам. А днём, вместе с корешком торговал совхозными овощами на рынке. Овощи покупали, конечно же, за водку, прямо на овощехранилище. «Деревянные» рубли уже потеряли былую гордость и опустились в неприличную позу. Этим бизнесом удавалось сносно содержать семью. Но приходилось кормить кучу дармоедов в лице бандитов, рыночных властей, ментов и ГАИшников. Бомбить я перестал, когда сломалась машина и даже немного обрадовался. Днём можно было получить по башке от таксистов на бойком месте, а ночью от пассажиров. Правда, меня, по счастью, не били ни разу, а вот «кидали» неоднократно. Просто не платили и с наглой харей уходили прочь. Естественно, или их было несколько, или это был здоровенный бугай. «Бомбёжка» не принесла больших доходов, и на ремонт машины денег не было. Само собой заглох и овощной бизнес.

Пришлось немного поработать в животноводстве. Скотником на совхозном телятнике я продержался недолго. Ни какой автоматике, рваный график работы с раннего утра и до позднего вечера, ужасная антисанитария. Обдристался я в первую же неделю. Но тётки-скотницы быстро вылечили меня коровьими таблетками. Через полтора месяца я сбежал. Удачно подвернулась новая работа.

Это был автосервис. Корешок, узнав о моём бедственном положении, предложил устроить меня в строящийся автосервис. Сам он уже давно и окончательно бросил море и шустрил на ниве мелкого бизнеса. В автосервисе требовались шиномонтажники, но мастерскую оборудовать пришлось самим. Ещё двое парней и я взялись за работу. За месяц установили, отрегулировали оборудование и приступили к работе. Место, на перекрёстке двух проспектов, было бойкое и через пару недель от клиентов не было отбоя. Сутки через двое приходилось крутиться как белка в колесе, но зато хорошие деньги получались. Наряду с основным заработком, неплохой приварок давало оказание клиентам разных мелких услуг. Потихоньку приторговывали б/у-шными покрышками.

Однажды приезжаю на смену, а сменщик говорит мне, что был тут поп и за работу расплатился картонной иконкой. Пока сменщик соображал, поп со словами: «Да благословит тебя Господь, сын мой» – сел в свою машину и уехал. Вот сука – халявщик! А через некоторое время этот поп, набрался наглости и приехал ещё. Как раз на мою смену. Вошёл молодой мужчина в рясе, с бородой, перекрестился на ту самую иконку, которая висела у входа, благословил меня и оборудование и попросил помочь скромному служителю церкви. А рожа хитрая. Я вежливо поздоровался, взял домкрат, болонник и пошёл снимать проколотое колесо.

Он даже запаску не удосужился поставить и приехал на спущенном колесе. Благо бескамерка спускает медленно, а то бы изжевал резину. Вижу, батюшка не смотрит за мной, а трещит по мобильнику. Я снял два колеса. Целое закатил под крылечко, а проколотое стал чинить. Починил и поставил его на место. Скромный служитель церкви всё это время трещал по мобиле и на меня внимания не обращал. Я попросил расплатиться. Поп достал тоненькую брошюрку и протянул мне со словами: «Прими, сын мой, в знак благодарности, это наставит тебя на путь истинный. Да благословит Господь труды твои праведные».

– Ага, – думаю, – хрен ты у меня проскочишь на халяву.

– Знаете батюшка, у нас теперь оплата через кассу. Касса рядом, за углом.

Я выписал ему чек на оплату. Он взял чек и попятился, растерянно бормоча: «Ах ты, Господи, совсем забыл я о мирском, о суетном. Забыл спросить у матушки денег на ремонт колеса. Ох, грешен я!» Вышел, и было решил, прыгнув в машину, уехать не расплатившись. Но поставил-то я только одно колесо. Наглый поп – халявщик остолбенел, глядя на такое непотребство. Но сообразив, что «кинуть» меня не удалось, отправился платить в кассу. Когда он принёс мне оплаченный чек, я поставил второе колесо. Конечно, о чаевых нечего было и думать. Он смотрел на меня как на чёрта из преисподней. Видно было, что в нём клокочет ненависть. Халява «обломилась». Молча он сел в машину, а я в след ему бросил: «Господь воздаст вам, святой отец, за доброту и бескорыстие!»

Вот так и работал. Безбедно и не переламывался. И всё бы прекрасно, можно было бы забыть про моря, но в один день всё рухнуло. Приехав на очередную смену, я обнаружил автосервис закрытым и новая охрана на воротах. Вот так, ничего не объясняя, нас всех выкинули на улицу.

Опять пришлось искать работу. Перебивался случайными заработками. Копал канавы на дачах, строил баню одному мужику, чинил машины знакомым, даже печку в одном доме перекладывал. А потом устроился сторожем по выходным на стройку и ещё сантехником в школе. Сторожить было легко. Главное не «нажраться» и обходить регулярно объект. Сантехнику в школе платили мало, но и работы не много и можно не каждый день выходить на работу. Плюс бесплатная кормёжка в школьной столовой. А вот когда в соседних ЖЭКах узнали, что в школе появился малопьющий молодой сантехник, посыпались халтуры. Платили по запросу, если конечно не борзел. Местные сантехники отловили меня в подвале на очередной халтуре и предупредили: «Если сунешься в квартиры, здесь и закопаем!» Не дурак, понял! Собирать сливки они будут сами, а ползать по тёмным сраным подвалам кому же охота. Жил я далековато, и ссориться с местными не было резона. А грязной работы я не боюсь, да и платили прилично. В будние дни, если не было халтур, я, по просьбе моего друга, торговал ночью в его ларьке. Он «срубил» немного денег и открыл торговлю. Днём у него торговала жена, а ночью он сам или я. Если зажать совесть между ног, можно за ночь кое-что «срубить» по лёгкому. Опасаться можно было только «отморозков». Менты просто брали водку с закуской и уходили. Бандиты с продавцом дела не имели, трясли хозяина. У меня проблем не было, но торговля не моё ремесло. Совесть как собака выскакивала внезапно и общитывать пьяных не поднималась рука.

Ларёк быстро обанкротился, а со стройки я ушёл сам. Начали завозить оборудование и отделочные материалы. Сторожить что-либо более ценное, чем стены, я не пожелал. Всё равно упрут что-нибудь, а виноват будет сторож.

Начало зимы. В деревне забивают свиней. Батя мой был признанным спецом в этой области и его часто приглашали не только соседи. У него я научился обработке и разделке туш, а вот резать не мог. И когда соседка попросила заколоть борова, я взял в качестве киллера, своего приятеля и соседа по кличке «Тюбик». Кликуха эта закрепилась за ним с детства, но никто не помнил почему. «Тюбик» легко управлялся с кинжалом, и попасть свинье в сердце с первого удара, было для него плёвым делом. В жизни, этот расчётливый

убийца свиней, был добрейшим и бескорыстным парнем. Маленький, щедушный, любитель «залить за воротник», он был моложе меня на шесть лет, а выглядел как старичок. Тем не менее это хороший друг и я дружу с ним до сих пор. Короче, борова мы завалили. Обработали и разделали аккуратно и быстро. По тому, что не «приняли на грудь» перед делом, хотя соседка и предлагала принять соточку для разгону. «Тюбик», было, облизнулся на предложение, но глядя на меня, отказался. А я перед работой не пью, не работник я после стакана. В отличие от многих мужиков, не могу работать если выпил. А вот сделав дело, можно и «оттянуться». По традиции, соседка пожарила свежатины и «выкатила» на стол поллитровку. В качестве гонорара – мясо убиенного борова. Сколько соседка дала, столько и взяли. И пошло-поехало. Как выходные, «Тюбик» звонит и зовёт на очередное свиноубийство. Популярность росла. Работали трезво и аккуратно. Брали сколько дадут и после застолья добавки не просили. И так почти всю зиму. И халтуры регулярно выпадали, и деньжата водились. Даже машину починил. А о весёлых застольях с друзьями и говорить нечего. Сделал дело – бухай смело. Это была не самая плохая жизнь. Многие так живут. А к весне поступило новое предложение.

Втроём с друзьями вознамерились мы открыть свой автосервис в нашей деревне. Дело было за малым. Найти спонсора для раскрутки. Нашли. Тоже наш общий знакомый. Он где-то по лёгкому сделал деньги и согласился участвовать в предприятии, но выразил желание начинать с покрасочной мастерской. Ну и ладно! Какая разница с чего начинать. Дружно взялись за строительство. За месяц соорудили в гаражном кооперативе ангар и установили самое дешёвое оборудование. Единственным из нас «специалистом» по покраске автомобилей был Кефир. Он когда-то работал в покрасочной, и утверждал, что прекрасно справится, да и нас научит. Для пробы покрасили его «жигуль». Первый блин, конечно же, вышел комом. Но это не беда и вообще всё складывалось пока удачно. Бандиты ещё на стадии строительства назначили наблюдателя и обещали не брать дани, пока не раскрутимся. Строили планы на будущее и предвкушали будущие гонорары. Не знаю, кто начал, но поссорились мы как раз из-за будущих заработков. Как говорится, начали делить шкуру не убитого медведя. И будущее помрачнело. Я не стал дожидаться окончательного скандала и вышел из этого предприятия. Никто и не держал. И спасибо что не держали. А Кефира потом долго искали бандюки, да и остальным тоже досталось по башке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.